„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie et Yougoslavie. . . . . 3 fr.
Preis in Deutschland und sonstigen Landern . . 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 18 (350)
15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ — г. 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Сентября 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: "Bâtiment 11"

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Мир на волоске.
К итало-абиссинскому конфликту: Конференция РСИ и МФПС.
А. Югов. Открытая торговля и рынок.
С. Шварц. К единству профдвижения: 1. Итоги раскола.
П. Гарви. Декрет о школе.
Литература и жизнь: В. Александрова. На «третьем фронте».
Пятый конгресс Социалистического Интернационала Молодежи.
Заграницей: А. Шифрин. Нюрнберг.
По России: Проверка членов ВКП. — Банкеты. — Верхи и низы. — Вождь и подготовка смены. — Коминтерн.
Из партии: А. Кремер (некролог).
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.
Фельетон: Р. Абрамович. Признания Димитрова и перспективы единого фронта.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

МИР НА ВОЛОСКЕ

Трагические события, грозящие столкнуть Европу, а вместе с Европой весь мир, в пропасть военной катастрофы, развиваются таким темпом, что никто не может предсказать, какой вид примут они ко времени выхода этого номера в свет. Мир висит на волоске. Сейчас, когда пишутся эти строки, один основной факт определяет положение: Муссолини отверг предложения, сделанные «комитетом пяти».

Если бы для него все дело было действительно в обеспечении безопасности пограничных с Абиссинией итальянских колоний и в открытии Абиссинии для приложения итальянских капиталов и итальянского труда, то предложения эти, фактически открывающие империю негуса коллективной эксплуатации (на дипломатическом языке она называется «цивилизацией») англо-французско-итальянского капитала, должны были бы дать диктатору Италии полное удовлетворение. Но мы имели уже случай пояснить, что, начиная с шумом, громом и треском свою африканскую авантюру, Муссолини думал не об открытии новой сферы приложения для несуществующих «избыточных» итальянских капиталов и еще того менее о массовом устройстве действительно существующего «избыточного» итальянского населения в жарких и безводных пустынях тропической и субтропической Африки, емкость которых в этом отношении, как показывает вековой опыт, вообще весьма ограничена. Его толкали и толкают на эту авантюру его внутренние затруднения, все очевиднее вскрывающееся банкротство фашистского режима со всеми его широковещательными обещаниями. Он ринулся в нее с тем большим хвастовством и рекламой, что всерьез возомнил себя «суперарбитром Европы» — иллюзия, которую старательно поддерживали в нем капиталистические правительства, не видевшие другого способа предотвратить захват Австрии германским фашизмом, как отдачу несчастной страны на поток и разграбление фашизму итальянскому. И теперь он не может отказаться ни от программы политического, и притом монопольного, господства над Абиссинией, ни от лавров хотя бы «маленькой», но победоносной войны, на подготовку которой ухлопано уже столько средств и уложено столько жизней, без опасения нанести непоправимый, быть может, смертельный удар «престижу», которым только и живут бесшабашные режимы фашистского типа.

Правда, в резолюции итальянского совета министров и в сопровождающих ее комментариях итальянских газет нет уже и следа той высокомерной заносчивости и хвастливой бесцеремонности, какими до сих пор отличались официальные заявления итальянского правительства, статьи итальянской прессы и, больше всего, многочисленные интервью самого «дуче» по абиссинскому вопросу. Муссолини явно прикусил язык. Но не следует делать себе никаких иллюзий.

Можно понять, что страх перед разверзающейся пропастью мировой военной катастрофы охватывает даже те капиталистические правительства, которые сами своими действиями и своей политикой ее подготовляли и

подготовляют. Можно понять, что, хватаясь за соломенку, даже серьезные люди ищут последних шансов на сохранение мира в кропотливых филологических изысканиях над текстом итальянской резолюции: если Муссолини отвергает предложения пяти, «потому что» они его не удовлетворяют, ну — тогда действительно все потеряно; но если он отвергает их, лишь «поскольку»? Все это не смешно лишь потому, что смешное так тесно соприкасается тут с грозящей человечеству неслыханной трагедией. Но, если не поддаваться понятному, но неуместному самообольщению, то вряд-ли в этих филологических контроверзах, внушенных, конечно, самими фашистскими Маккиавели, как и в их намеках, что «двери еще не окончательно захлопнуты», как и в их планах «новой Стрезы» и т. п., можно увидеть что либо иное, кроме попытки еще раз замутить воду, еще раз посеять разногласия между Англией и Францией, как руководящими силами Лиги Наций, еще раз получить отсрочку — с тем, что, пока «комитет пяти», потом Совет Лиги, потом общее собрание ее будут биться над построением «золотых мостов» для зарвавшегося авантюриста, создать более благоприятную обстановку для самой авантюры. Для Муссолини не существует ведь и пресловутой дилеммы: подчиниться или уйти. Подчинение, отказ от затеянной им кровавой авантюры неизбежно был бы для него и началом «ухода», прологом крушения позорно-варварского режима, инициатором и возглавителем которого является претендент на «цивилизаторскую» миссию в Африке. Такой, мирный конец фашистского режима в Италии был бы, конечно, величайшим благом не только для абиссинских и итальянских народных масс, избавляющим их от кровавых жертв, но и для всей Европы, для всего человечества, ибо падение фашизма в Италии под ударами народной революции, развязанной его очевидным банкротством и капитуляцией, имело бы все шансы ускорить революционное падение и основной цитадели мирового фашистского варварства и вместе с тем главного очага мировой военной опасности — германского национал-социализма. Но итальянский диктатор, конечно, меньше всего думает о самозаклании на алтаре всеобщего благоденствия и мира. И потому он будет все дальше и дальше идти по пути, на который вступил, пока у него будут хоть какие-либо шансы, хотя бы ценою европейского и мирового пожара, спасти себя и возглавляемый им режим от расплаты за все содеянные ими преступления.

Трудно поэтому разделять и те иллюзии, которые внушает многим товарищам по Интернационалу всеми социалистами в совершенно равной мере питаемая страстная ненависть к войне и страстная жажда мира, всем им одинаково присущее страстное желание сделать все, чтобы остановить в последнюю минуту грозящую человечеству кровавую бойню. Перед лицом неумолимых фактов, говорящих своим красноречивым языком, трудно, не поддаваясь самообману, думать, что одного сплочения «общественного мнения» вокруг Лиги Наций, одной перспективы экономических и «моральных» санкций будет достаточно, чтобы принудить итальянский фашизм к капитуляции и позволить Европе, по выражению Леона Блюма («Попюлэр», 22 сент.), «впервые дать великий пример мирного противодействия войне». Увы, факты слишком громко свидетельствуют о противном. Они слишком убедительно говорят о том, что, если Муссолини так явственно «сбавил тон» и, не покидая своих воинственных планов, снова старается прикрыть их дипломатическим лавированием и полумиролюбивыми фразами, то причина тому — не в уважении к бесплотному «общественному мнению», не в конфузе перед всеобщим «моральным» осуждением и даже не в опасении экономических санкций: наоборот, итальянская дипломатия уже закидывает удочку в смысле получения гарантий, что санкции будут только «экономическими», т. е. при наличии глубоких антагонизмов внутри мирового капитализма, заведомо мало действительными. Нет, если у Муссолини задрожала рука и сорвался голос, то единственная и вполне очевидная тому причина — появление в Средиземном море 150 судов английского флота и сотен английских аэропланов, свидетельствующее о серьезности намерений Англии, о ее решимости при случае «охранять мир» не пацифистскими заклинаниями, а вооруженной рукой. Не мир, но меч! Меч, несущий войну завтра, становится на страже мира сегодня. Это — кричащее противоречие! Но разве в этом противоречии не символизируются все противоречия, раздирающие и обеспложивающие доступную капитализму «борьбу за мир»? Разве английские дрэдноуты в Средиземном море не вскрывают с предельною наглядностью подлинный, конечный смысл той политики «коллективной безопасности», «взаимной помощи» против «агрессора» и пр., в которой господствующие классы капиталистического общества ищут последнего оплота мира против ими же подготовляемой и накликаемой, но их-же грозящей захлестнуть новой мировой войны?

Политика пролетариата в борьбе за мир должна быть реалистична. Она не должна обессиливать себя дурманом революционного утопизма. Нельзя говорить о «пролетарской революции», как средстве реально предотвратить военную опасность, грозящую сегодня, если условия для этой революции сегодня еще не назрели. Но не менее, а, быть может, еще более опасен для пролетарской борьбы за мир утопизм догматического пацифизма. Если обстоятельства заставляют пролетариат сегодня поддерживать политику известной группы капиталистических правительств, как «меньшее зло», не предотвращающее, но, по крайней мере, отсрачивающее военную катастрофу, то поддержка эта оправдывается и может быть плодотворною лишь постольку, поскольку рабочий класс сам ни на минуту не забывает и у широчайших народных масс не оставляет ни малейших сомнений в том, что политика эта, хоть и «меньшее», но все-же несомненное «зло»; поскольку он сам отдает себе отчет и перед массами безбоязненно вскрывает все неустранимые противоречия этой политики; поскольку, следовательно, он не только не отождествляет своей политики с политикой какого угодно капиталистического правительства или совокупности этих правительств, именуемой Лигой Наций, но, и поддерживая их сегодня, неустанно демонстрирует глубочайшее принципиальное отличие своей политики мира от политики самого пацифистского капитализма. Потому что, если утопична политика, противоставляющая сегодняшней военной опасности сегодня еще не назревшую пролетарскую революцию, то не только не утопична, а, наоборот, единственно реальна та политика, которая подготовляет удар по самым корням военной опасности, которая неразрывно связывает сегодняшнюю борьбу за мир с психологической и политической подготовкой массового базиса для завтрашней пролетарской революции, единственно способной предотвратить войну, единственно способной дать войне, если военная катастрофа предупредит революцию, надлежащее направление, единственно способной обеспечить скорее окончание ее и превратить ее в действительно «последнюю».

«Фашизм — это война!» гласит «манжетка» того самого номера «Попюлэр», в котором помещена цитированная статья Леона Блюма. Но что-же это значит, как не то, что руководящей идеей пролетарской борьбы за мир должна быть не абстрактная «междуна-

родная справедливость», на несуществующих внеклассовых весах взвешивающая претензии итальянского фашизма, а революционное низвержение фашизма, который может быть низвергнут, если не войной, то только предупреждающей войну революцией? И кто может сомневаться в том, что, если самые пацифистские правительства капитализма не содействуют всеми находящимися в их распоряжении силами и средствами этому, подлинно и единственно мирному способу радикально уничтожить сегодняшний очаг военной опасности, а предпочитают в своей «борьбе за мир» мобилизовать гигантские армады, то только потому, что, поверх всех разделяющих их с фашизмом антагонизмов, они ощущают свое классовое родство с ним, понимают, что удар, направленный против него, через его голову попадет и во весь тот переживающий себя строй экономических, социальных и политических отношений, ради сохранения которого господствующие классы не останавливаются даже перед отдачей самих себя в плен фашистским авантюристам и бандитам?

Мы уже имели случай отметить, какое глубокое чувство неудовлетворения вызывает с этой точки зрения и все поведение советского правительства в итало-абиссинском конфликте. И особенное смущение должно было вызвать это поведение у трудящихся масс тех «колониальных» и «цветных» народов, покровительство которым Коминтерн сделал своею специальностью. Доказательства тому имеются уже налицо: в коммунистической нью-иоркской «Дэйли Уоркэр» напечатано письмо национального секретаря негритянской коммунистической организации Америки, Германа Мак-Куонса, о сложении им с себя своих обязанностей и об уходе его из коммунистической партии в виду позиции, занятой советским правительством в Абиссинском вопросе, и выяснившейся неискренности отношения этого правительства к неграм вообще. Предостережение достаточно внушительное! Но, хотя в заседании Совета Лиги и в общем собрании ее советская делегация успела уже вполне определенно высказаться за «политику санкций», вряд ли хоть кто-либо из социалистов, даже вполне оценивающих трудности «дипломатического положения советской делегации, признает, что перед лицом событий, грозящих затопить весь мир кровью, советское правительство хоть в сколько-нибудь удовлетворительной степени играет роль рупора пролетарской политики мира. Но это — тема особая, к которой придется еще вернуться.

Пока-же приходится сказать одно: рабочему классу не на кого расчитывать, кроме как на себя самого. События со дня на день могут принять характер, поистине катастрофический. Колоссальные военные силы стоят друг против друга в районе Средиземного моря. Ряд стран проводит уже частичную мобилизацию. Германия совершенно явственно готовится воспользоваться первым-же замешательством, чтобы начать свой поход на восток — на Литву и через Литву на Советский Союз. Ее польский союзник открыто солидаризуется с ней. Если даже сейчас удастся временно предотвратить взрыв, то все элементы будущего европейского и мирового пожара наметились с небывалой и предельной ясностью. Терять времени нельзя. Международный пролетариат должен наметить свою дорогу. Чем скорее он сделает это, тем больше будет он содействовать и сохранению мира, поскольку на это сохранение есть еще надежда. Ибо революционная воля пролетариата есть самая надежная гарантия мира. Более надежная, чем все пакты, соглашения, дипломатические резолюции, поддерживаемые — жерлами эскадренных пушек. Не надо забывать: мир висит на волоске.!

К ИТАЛО-АБИССИНСКОМУ КОНФЛИКТУ.
Конференция РСИ и МФПС.

5 и 6 сентября в Женеве в связи с предстоящим заседанием Совета Лиги Наций состоялось совместное заседание Исполкома РСИ и генерального Совета Междун. Федерации Профсоюзов. На этом заседании, созванном специально для обсуждения проблемы итало-абиссинского конфликта, присутствовало 52 делегата, представлявших главные социалистические партии, центральные и профессиональные советы профсоюзов 12 стран, равно как и 10 международных секретариатов. Первое заседание, происходившее под председательством Де-Брукера, обсуждало проблему в том виде, как она была поставлена перед Советом Лиги Наций. Заслушав вступительные доклады Джорджа Хикса и Л. Жуо, равно как и ряд речей, совещание единогласно приняло следующую резолюцию:

«Специальное совещание Генерального Совета МФПС и Исполкома РСИ, состоявшееся в Женеве 6 сентября, подтверждает непоколебимую преданность обоих Интернационалов делу мира и клеймит вызывающую тактику фашистской Италии по отношению к Эфиопии».

«Перед лицом создавшейся ситуации совещание от имени миллионов трудящихся призывает Лигу Наций выполнить свою миссию — спасти мир, обеспечить торжество права над силой».

«Неотложная задача Совета Л. Н. намечается острой опасностью войны и повелительно требует, чтобы пакт, лежащий в основе Лиги Наций, получил применение во всей своей полноте, включая и санкции».

«Оба Интернационала, сознавая лежащую на них обязанность сохранения мира, готовы выполнить свой долг до конца и обещают Л. Н. деятельную поддержку всех представляемых ими трудящихся в деле применения всех тех санкций, которые придется применить против нападающей стороны».

Совещание постановило передать эту резолюцию председателю Совета и Секретариату Л. Н. через делегацию в составе Де-Брукера, Хикса, Жуо и Ненни.

На втором заседании Совещания после обширной дискуссии, в которой приняло участие большое количество присутствовавших, было постановлено, чтобы совместная комиссия обоих Интернационалов продолжала следить за ходом событий и была уполномочена созвать в нужный момент новое совместное заседание обоих Интернационалов.

Совместная комиссия, равно как и секретари обоих Интернационалов, получили поручение немедленно вступить в сношения с примыкающими политическими и профессиональными организациями в целях конкретного выяснения возможности принятия всех мер для:

1. Усиления давления на Л. Н. и на различные правительства для того, чтобы заставить их полностью выполнить все обязательства, вытекающие из пакта Л. Н.

2. Мобилизации общественного мнения всего мира против нападающей стороны.

3. Подготовки решения, которое будет принято на чрезвычайном совместном заседании, как профессиональными, так и политическими организациями.

Открытая торговля и рынок

После ликвидации в конце 1934 года карточной системы и перехода к «открытой» государственной торговле спрос трудящихся на продукты первой необходимости на 70-80% покрывается покупкой в «коммерческих магазинах» и на рынках *).

Снабжение трудящегося населения за последние два года постепенно перемещалось от ЗРК и ОРС к магазинам Наркомвнуторга и кооперации. Еще в начале 34 года нормированное снабжение совершенно подавляло своими оборотами госторговлю. Но уже в первые месяцы 1935 г. оборот ОРС-ов и ЗРК-в упал лишь до 18,2% всего оборота.

Круг продуктов отпускаемых по так называемому нормированному снабжению все более сужается. В 1934 году, накануне формального разрешения «открытой

*) Мы в нашей статье огосударствленную кооперацию считаем одной из организаций госуд. торговли.

торговли», 15-20 пищевых важнейших продуктов отпускались по ордерам, спецкнижкам и пропускам: хлеб, мука, крупа, макароны, мясо, рыбные продукты, сельди, животное и растительное масло, сахар, чай, консервы, кондитерские изделия, картофель, кофе и др. Сейчас в числе нормированных продуктов остались лишь: масло, мясо и сахар. При этом, по авторитетному заявлению газеты Наркомвнуторга «Совет. Торговля» (15 сент. 35 г.), «и эти три продукта скоро перейдут в список товаров продаваемых в открытой торговле».

«Мы стоим у порога окончательного и полного отмирания карточной системы», — утверждает «Советская Торговля».

«...Отмена карточной системы на хлебные продукты лишь только первый шаг к полной отмене карточной системы распределения», — писали мы в конце 1934 г. («Соц. Вестн.» № 23-24).

Как мы и предвидели, открытая продажа потребителю продуктов питания даже только аппаратом госторговли, даже по ценам более высоким, быстро вытеснила немощную и бюрократическую организацию закрытого и «классового» распределения.

Но быстрого возростания товарооборота, как предполагали советские экономисты, однако, не произошло. В 1933 году весь розничный товарооборот по всем системам, кроме общественного питания, составлял 42,4 млрд. рублей, в 1934 г. — 53,5 млрд. рубл., в 1935 г., за первый квартал, по данным всесоюзной торговой переписи, оборот равнялся 14,5 млрд. руб. Возростание очень небольшое!

Если же учесть вздорожание цен, по сравнению со старой системой, почти по всем продуктам питания, в том числе и по основному продукту питания, по хлебу, то такое незначительное возрастание розничного товарооборота показывает, что в целом, в отношении всей массы населения, удовлетворение основных потребностей происходило на несколько более низком уровне. Быть может, здесь играет роль и то обстоятельство, что часть покупок продовольствия происходит сейчас в порядке непосредственной купли-продажи, вне учета органами государства. Во всяком случае важно отметить, что размеры оборота торговых госорганизаций «Планом на 1935 год» предполагались на значительно более высоком уровне, свыше 18 млрд. руб. на квартал! Об основных причинах медленного роста розничного товарооборота мы писали уже не раз, вскрывая причины относительно медленного роста продукции и сельского хозяйства и отраслей индустрии, работающих на широкий рынок. Сейчас мы хотим остановится на противоречиях, которые определились в советском хозяйстве в связи с отменой карточной системы.

Возможность свободного приобретения товаров в лавках, без длительного стояния в очередях, без выпрашивания ордеров и талонов воспринята массой трудящихся, как несомненное благо, хотя естественно поставила с предельной остротой проблему под'ема зарплаты на уровень соответствующий общему вздорожанию жизни.

Руководящие круги советской власти, однако, всячески тормозятъ этот общий пересмотр размеров оплаты труда и потому, что осуществляют политику дефляции, надеясь этим методом поднять покупательную способность рубля, и потому, что этим методом осуществляют приспособление потребления до уровня возможного его удовлетворения, и, наконец, потому, что общий под'ем зарплаты требует радикального изменения принципов распределения народного дохода страны, уменьшения индустриализации и из'ятий из деревни и пр.

Крупным недостатком современной организации торговли является недостаточность торговой сети, осо-

Признания Димитрова и перспективы единого фронта

Для европейского социализма, и прежде всего для социалдемократических партий Центральной Европы, годы, прошедшие со времени германской катастрофы, были в буквальном смысле этого слова годами самой глубокой, самой радикальной самокритики. Достаточно хотя бы бегло просмотреть литературу всех без исключения германских и австрийских социалистических группировок, издания швейцарской, французской, итальянской, русской и др. секций Социалистического Интернационала, чтобы отдать себе отчет в том глубоком политическо - психологическом сдвиге, который произошел во всех этих партиях в результате германских и австрийских событий. Открыто и беспощадно вскрываются сделанные ошибки, в страстных публичных спорах и дискуссиях намечаются новые пути и методы борьбы.

С этим интересно сравнить тот глубокий умственный застой, которым характеризовалась оффициальная коммунистическая мысль за те же годы. Грубая травля социалистов, но ни одной критической статьи в отношении к своему собственному прошлому, никакой дискуссии о перемене тактики. Наоборот, горделивые заявления о «совершенной правильности» тактики компартии в Германии, категорическое отрицание каких бы то ни было ошибок, оффициальное подтверждение казенного благополучия.

И лишь в августе 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна в докладе Пика, а затем в докладе и заключительном слове Димитрова, — прикровенное полу-признание сделанных ошибок и погрешностей.

***

На страницах «С. В.» уже указывалось, насколько внезапным, стремительным, совершенно неподготовленным и немотивированным явился этот поворот для пролетарского общественного мнения всего мира. Еще в конце июля оффициальные документы Коминтерна удостоверяли германским коммунистам, что их поведение до прихода Гитлера к власти и в момент его прихода было безукоризненным, совершенно правильным и единственно возможным с революционной точки зрения. Еще совсем недавно, в переговорах с польским Бундом польские коммунисты оффициально отстаивали теорию социал-фашизма, и вдруг, без всякого обсуждения, без всякой дискуссии и — что характернее всего — без всякой оппозиции VII Конгресс Коминтерна единогласно принимает резолюции и встречает бурными апплодисментами речи, отстаивающие тактику по существу прямо противоположную той, которая применялась до сих пор.

Все это было бы, может быть, не столь важно, если бы это поведение свидетельствовало только о желании во что бы то ни стало поддержать свой престиж «непогрешимости». Но тут несомненно сказался и более серьезный момент: полная атрофия критической мысли и политического характера в апарате мирового коммунизма, полное обезличение и подчинение авторитету «вождей» тех тысяч коммунистических функционеров, которые являются руководителями коммунистических партий в странах Европы. И вот эта-то черта современного, вскормленного Коминтерном коммунистического движе-

бенно в деревне. Общее количество торговых точек в 1933 году было равно 296 тысячам, а в 1935 году осталась лишь 261 тысяча, при этом сеть торговли в деревне уменьшилась свыше, чем на 30%. По сравнению с 1912 годом число торговых единиц уменьшилось в 4 раза, а по сравнению с 1926-27 годом более, чем вдвое. Сейчас каждая торговля в среднем должна обслужить район в 80 кв. клм. и 650 душ потребителей. Далеко не каждое селение имеет даже торговую палатку. Как и в первые годы НЭП'а имеются районы, обслуживаемые только редкими базарами. Второй существенный недостаток госторговли — это бедность товарами нужными населению. Конечно, городские универмаги и Гастрономы имеют обилие товаров, более скромен выбор в рядовых городских коммерческих магазинах. Но в деревенских лавках выбор товаров настолько ничтожен, что уже через несколько дней после получения очередной партии из районной базы, большинство сельпо являют удручающую картину полок или пустых или заставленных товарами, не имеющими спроса. По материалам Центросоюза большинство сельпо имеют годовой оборот до 125 тыс. руб., т. е. в состоянии отпустить отдельному покупателю в год товара в среднем на 200 рублей или около 18 рублей в месяц!

Можно ли удивляться товарному голоду, который еще и сейчас так остер в селах СССР?

При этом из-за малых оборотов большинство сельпо приносят убыток, так как не покрывают расходов по содержанию аппарата. По данным Центросоюза за 1934 год свыше 70% всех сельпо, имеющих оборот до 125 тыс. в год, — безнадежно убыточны.

Здесь советская власть бьется в заколдованном кругу. Убыточность лавок с малым оборотом требует их укрупнения, но ликвидация мелких сельпо делает торговую сеть еще более редкой. Уменьшить накладные расходы или, как теперь говорят в СССР, «наложение», достигающее в мелких сельпо 12% против цен районной базы, при централизованном бюрократическом аппарате оказывается невозможно. Как и во времена НЭП'а выясняется, что госторговля не может обслужить рентабельно глухие районы страны. Это оказывается по силам лишь офеням, коробейникам, ухитряющимся и при небольшом обороте иметь верный доход. Конечно, если бы низовые организации были снабжены обильным, соответственным и регулярно пополняемым товарным фондом, то их оборот быстро возрос бы и обезпечил бы рентабельность. Опыт хорошо снабжаемых магазинов в городах показал, что наличие доброкачественных товаров первой необходимости находит в современной России платежеспособный спрос.

Если в городах советская власть регулирует соответствие предложения спросу сдерживающей политикой зарплаты, то в деревнях, где доходы даже колхозников не могут столь непосредственно регулироваться властью, *население хронически не может удовлетворить потребностей* даже в пределах своего, весьма сниженного государственными повинностями, платежеспособного спроса.

Диспропорция в этой области попрежнему основной фактор советской жизни, притом по мере роста накопления в деревне, она чувствуется все острее и острее. С другой стороны в связи с переходом к «открытой торговле» существенно изменился *характер советской торговли*. Роль плана-директивы уменьшилась. Роль рынка, спроса и предложения стала решающей. «Сейчас уже не может сбываться все, что бы ни производила промышленность, как это подчас имело место в условиях нормирования... Вкусы и требования потребителей не находили достаточного отражения в планах производственных и торгующих организаций», — признает сейчас журнал НКВнуторга «Советская Торговля» (№ 7).

ния заставляет с большой осторожностью отнестись и к тем признакам поворота, которые несомненно проявились на VII Конгрессе. Ибо есть какая-то большая «неувязка», какая-то грандиозная диспропорция между совершаемым поворотом огромного исторического значения и той мелочностью робкого полу-признания прошлых ошибок, которой сопровождается этот поворот.

Если в свете решений VII Конгресса рассмотреть всю историю Коминтерна за последние 12 лет, то она по собственному признанию Димитрова исторически представляется непрерывной цепью тягчайших политических ошибок.

Во все годы стабилизации и промышленного под'ема, а затем и в годы кризиса и роста фашизма коммунистические партии Европы, в частности КПГ, а с ними и весь Коминтерн стояли на точке зрения «революционного выхода из кризиса», — позиции, которую Димитров в своем заключительном слове справедливо характеризовал, как «пустую бессодержательную фразу, затемняющую только нашу задачу сегодняшнего дня», поскольку нельзя одновременно указать и об'ективных предпосылок для такого вывода. Во все эти годы Коминтерн не уяснил себе того, что сейчас ясно Димитрову, а именно, что речь шла не о выборе между буржуазной демократией и пролетарской революцией, а о выборе между *буржуазной демократией и фашизмом*. Как Иванушка-дурачок, Коминтерн на похоронах пел свадебные песни: в эпоху упадка пролетарского движения и бешеного усиления реакции применял лозунги, приемы и методы, выдвинутые революционной эпохой 1918-19 гг! Построив все свое миросозерцание на ложной предпосылке, Коминтерн не мог выработать и правильной стратегии. Изолировав суб'ективно-революционное, но фактически оторванное от народных масс и потому бессильное меньшинство рабочего класса, и противопоставив ему, как *единый фашистский блок*, все остальные слои, в том числе и большинство самого пролетариата, Коминтерн должен был придти к теории социал-фашизма, о которой Димитров сейчас уже понимает, что она не столько ослабляла, сколько усиливала опасность фашизма, толкая в об'ятия последнего такие слои населения, которые при правильном подходе к ним, могли бы явиться союзниками в борьбе против фашизма.

Мало того, сейчас Димитров уже знает, что в борьбе против фашизма нельзя пренебрегать и помощью слоев, которые хотя и не являются прямыми союзниками пролетариата, но поддаются «нейтрализации». Сейчас вожди Коминтерна в лице Димитрова научились делать тонкие различия между различными частями не только рабочего класса, но и буржуазных слоев. Сейчас Димитров не зарекается и от участия коммунистов в «правительстве народного фронта», т. е. в коалиции с буржуазно - демократическими слоями, поскольку такое коалиционное правительство будет охранять демократические свободы для рабочего класса, при этом Димитров отнюдь не требует, чтобы такое правительство являлось «обязательным этапом на пути к установлению пролетарской диктатуры». Мало того, даже в странах победившего фашизма коммунистам отныне нельзя будет непременно требовать, чтобы в случае победы революции «фашистская диктатура была обязательно непосредственно сменена пролетарской диктатурой», а вполне мыслимо создание «промежуточных этапов», т. е. буржуазно - демократического режима. При этом, полемизируя с польским делегатом Ленским, Димитров со

Пришлось спешно перестраивать всю сеть торговли, менять всю систему отношения к потребителю. Не механическое распределение, не «завозы», не принудительные ассортименты, а удовлетворение интересов живого потребителя, изучение низового спроса, его емкости, его характера стали принципами, которые приобретают гражданство в среде советской госторговли.

Возможность свободной покупки в государственной лавке потребного советскому гражданину товара стала определяться лишь наличностью у него денег. Роль денег стала быстро возростать.

«Но победа торговли, особенно когда она охватит все основные продукты широкого потребления и весь громадный товарооборот с деревней, означает восстановление в советском хозяйстве решающего значения рынка», — писали мы в указанной статье. Сейчас этот вывод делает и советская печать. Централизованное планирование оказалось в новых условиях совершенно нежизненно, директивное определение и размеров спроса, и его характера и направления товаров привело в первые же месяцы нового курса к «огромным заторам» и к такому положению, когда на практике «план планом, а продажа товаров идет самотеком». Пришлось, как сообщает орган Наркомвнуторга, вместо директив из центра перейти к изучению потребительского спроса районов, к изучению емкости рынка, к изучению законов ценообразования, к кон'юнктурным наблюдениям колебаний спроса, цен, денежных доходов населения.

В области торговли планирование, по признанию госорганов, все больше и больше принимает характер «экономического регулирования», исходящего из «повседневного изучения соотношения спроса и предложения» и «систематического применения государством методов экономической товарной интервенции». «Торговые методы», т. е. методы исходящие из познания законов рыночных отношений, должны «на ближайший этап» заменить былое непосредственное целевое директивное администрирование.

Так за несколько месяцев развеяны иллюзии, которые были у большевистских экономистов еще в декабре 1934 г. при прокламировании «открытой торговли». Надежды на то, что «открытую госторговлю» удастся подчинить централизованному плану, не оправдались. Законы рынка, стремление к рентабельности начинают властно диктовать линию поведения далеко за пределами хлебной лавки.

Даже государственная монопольная торговля должна считаться с желаниями потребителя, если он волен купить или не купить предлагаемый ему товар, если он может купить там, где он хочет, и если необходимо чтобы торговое предприятие не приносило хронических убытков.

В привычную сталинскую формулу: «для большевиков нет невозможного», приходится внести весьма существенную поправку: «и большевики должны считаться с об'ективными условиями и с потребностями живых людей». В области торговли понимание этой истины, кажется, начинает проникать в среду руководителей советской политики.

Мы убеждены, что уроки жизни научат советскую власть понимать, что и планированию в области большой политики поставлены некоторые об'ективные пределы и что и здесь при выработке политических планов нужно считаться с людьми, их духовными и материальными потребностями..

А. Югов.

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

всей суровостью обрушивается на тех коммунистов, которые «боятся положительной формулировки демократических требований, чтобы не создавать демократических иллюзий среди масс». Эту боязнь Димитров об'являет «анти-диалектической».

Если суммировать все эти мысли, если попытаться превратить в стройную схему разбросанные в речах Димитрова положения, то получится довольно законченная и отчетливая концепция, которую иначе, как социалистической, назвать нельзя. Стоит сопоставить эту новую схему Димитрова с тем, что Коминтерн проповедывал и отстаивал в течение всего своего существования, для того, чтобы стало совершенно ясно, что Димитров повторяет зады европейской социалдемократии, что совокупность его мыслей, сформулированная подобным образом три или два года тому назад, была бы всяким правоверным коммунистом воспринята как чистейший социал-фашизм, подлежащий жесточайшей критике и беспощадной борьбе.

Иначе, как полным идейным банкротством, нельзя назвать такое положение, при котором Коминтерн об'являет высшей премудростью то, что втечение долгих лет неустанно клеймил как злостное предательство пролетариата и революции.

***

Я не хочу утверждать, что в социалистическом лагере было проявлено особенно много политической дальновидности, и что в нем господствовало совершенно отчетливое представление о перспективах развития, в частности, — в Центральной Европе. При желании можно было бы зарегистрировать немало не сбывшихся предсказаний и неправильных предвидений. Но в нашем мире все относительно, и степень политической прозорливости социалистических партий можно измерять лишь путем сравнения с прогнозами Коминтерна. И тут вряд ли будет преувеличением сказать, что не отдельные только моменты, а буквально вся установка международного коммунизма за все годы его существования была одной сплошной ошибкой с точки зрения пролетарской стратегии. Коминтерн ориентировался на революционный выход из кризиса в тот момент, когда его — по собственному признанию Димитрова — ни по об'ективному соотношению сил, ни по настроению широких народных масс уже не было. Коминтерн отрицал тактику «меньшего зла», отказываясь делать различие между демократией, хотя бы и буржуазной, и фашистской реакцией, и отказываясь поэтому поддерживать в борьбе против фашистской опасности какие бы то ни было группировки и комбинации с буржуазно - демократическими силами и даже с социалдемократической частью рабочего класса, кроме чисто революционных. Коминтерн ориентировался в то же время в своей мировой политике на национализм «ревизионистских» государств, как взрывчатое вещество для разрушения создавшейся системы европейского и мирового равновесия, — и потому резко отрицательно относился к Лиге Наций, как инструменту господства государств победителей. И т. д., и т. п.

Что осталось сейчас от всех этих «китов» коммунистической тактики? Резолюции VII Конгресса не оставили камня на камне от всей этой концепции, логически стройной, но оказавшейся в полном противоречии к реальному ходу вещей.

А между тем, во имя этой концепции систематически раскалывались силы рабочего класса, планомерно разрушалась организация свободных профсоюзов и социал-

К единству профдвижения

1. ИТОГИ РАСКОЛА.

Целая полоса исторического развития заканчивается. Раскол международного рабочего движения переживает явственный кризис. Сейчас еще не вполне ясно, скоро-ли и на каких путях найдут выход из этого «кризиса» политические организации рабочего класса. В области профессионального движения преодоление раскола является уже непосредственной, назревшей практической задачей дня.

Итоги развития профессионального движения на путях раскола для одной из сторон, явившейся в свое время инициатором раскола и на нем построившей все свои надежды, — для Профинтерна были подведены на недавнемъ конгрессе Коммунистического Интернационала. Уже в докладе Пика о деятельности ИККИ, как ни пытался докладчик удержаться на позициях бюрократического самодовольства, банкротство всей системы коммунистической профсоюзной политики выступило с полной очевидностью. Сейчасъ мы узнаемъ, что совершали ошибку за ошибкой — о, нет, не Коминтерн и не Профинтерн, а «многие коммунисты», «отдельные коммунисты», «некоторые коммунистические литераторы», «многие коммунистические функционеры» и прочие псевдонимы и анонимы, когда они «недооценивали значение организованных рабочих», об'являли забастовки, не заботясь об «обеспечении согласия большинства рабочих на об'явление стачки», призывали членов профсоюзов («реформистских», конечно) к неуплате членских взносов и т. д., и т. д., что сектантской ошибкой было превращение профоппозиции в Германии и Польше в новые профсоюзы и тем более ошибочным было в Англии прекращение вербовки рабочих в профсоюзы и призывъ къ вступлению в «движение меньшинств» (результатъ: «движение меньшинств фактически распалось»). Въ Германии дошло даже до того, что «отдельные коммунисты» «даже в условиях наступления фашизма говорили о необходимости разрушить реформистские профсоюзы, чем способствовали изоляции коммунистов от организованных рабочих». Не приходится удивляться, что — как это отметил в своем докладе Димитров, — в Германии «к концу 1932 года только около 10% членов партии состояло в свободных профсоюзах», и даже после прихода Гитлера к власти «втечение двух лет много наших товарищей упорно и систематически сопротивлялись правильному лозунгу борьбы за восстановление свободных профсоюзов. Я мог бы привести аналогичные примеры, — с горечью добавляет Димитров, — почти по всем другим капиталистическим странам». Словом, это отнюдь не специфическая ошибка германского коммунизма: «Работа в профсоюзах есть самый наболевший вопрос всех коммунистических партий... Игнорируя тягу рабочих в профсоюзы и стоя перед трудностями работы внутри амстердамских профсоюзов, многие наши товарищи решили пройти мимо этой сложной задачи. Они неизменно говорили об организационном кризисе амстердамских профсоюзов, о бегстве рабочих из профсоюзов и проглядели, когда после некоторого падения профсоюзов в начале мирового экономического кризиса, они потом снова стали расти. Большинство амстердамских профсоюзов — во Франции, Чехословакии, Бельгии, Швеции, Голландии, Швейцарии и т. д. — количественно за последние годы выросли» (Димитров).

Крушение самостоятельной коммунистической профсоюзной политики было ярко иллюстрировано в многочисленных речах делегатов конгресса. Англичанин Кемпбелл и голландец Схалкер, ирландец Мерри и датчанин Гансен, швейцарец Бодеман и чех Сланский, по-

---

демократических партий — и тем расчищался путь для победы фашизма.

В коммунистическом движении чрезвычайно силен культ вождей. Культ этот по отношению к вождям советского правительства принимает подчас форму самого непривлекательного раболепства. Даже сам Димитров, эта наиболее крупная сейчас фигура международного коммунизма, в своих речах на VII Конгрессе не мог обойтись без восторженных панегириков по адресу «гениального», все предвидевшего и все предсказавшего Сталина. Но где же было это гениальное предвидение по отношению к Германии до прихода Гитлера к власти? Почему применение диалектического метода «Маркса - Энгельса - Ленина - Сталина» по отношению к европейской, германской и мировой ситуации дало столь плачевные и обманчивые результаты? Где были прозорливые вожди десять, восемь, наконец, три года тому назад?

От ошибок не гарантирован никто и, как я уже указал выше, в ошибках и очень серьезных повинны и многие отряды социалистического движения. Но недостойно крупного политического движения замалчивать свои ошибки или даже делать вид, будто бы никаких ошибок не было сделано. Еще недостойнее сваливать вину за явные неудачи, которых ни скрыть, ни замазать уже нельзя, на «стрелочников», — на недостаточное выполнение каких то директив Пленумов, которые-де еще в свое время... и т. д. Такое поведение подрывает доверие к искренности проделываемой Коминтерном эволюции. Но оно уж во всяком случае не дает никакого морального права Коментерну, «единожды совравши», претендовать в дальнейшем на какое-то верховное руководство мировым движением и усваивать себе тон верховного ментора, раздающего награды, определяющего, кто прав и кто виноват! А, между тем, именно на такую роль от имени Коминтерна претендует новый «рулевой» последнего — Димитров. Это они, коммунисты, будут помогать социалдемократическим рабочим «освобождаться от власти реформистской идеологии». Это Коминтерн собирается «по товарищески терпеливо и соответственно уровню политического развития отдельных социалдемократических рабочих» поучать европейский пролетариат и вести его по «новому пути», который, как мы видели выше, является простым позаимствованием у социалдемократии, политический инстинкт которой при всех своих ошибках все же оказался неизмеримо выше всей «диалектики» Коминтерна. Снисходительность Коминтерна идет еще дальше. Не взирая на свое полное политическое банкротство, он будет «не только социалдемократическим рабочим, но и тем деятелям (?!) социалдемократических партий и организаций, которые искренно желают перейти на революционную классовую позицию» облегчать совместную борьбу против классового врага. Но Коминтерн умеет быть и строгим, и он тут же заявляет, что попрежнему будет поддерживать теорию социал-фашизма и об'являть социалдемократию «главной опорой буржуазии» во всех тех случаях, когда социалдемократические партии, «социалистические деятели, рядовые функционеры и рабочие» не будут соглашаться на единый фронт с коммунистами *).

*) Характерно, что новый рулевой Коминтерна, претендующий на роль верховного судьи, призванного судить и миловать мировой пролетариат, до сих пор сам ни в чем не доказал своей квалификации для подобного рода исторической задачи. Нет сомнения, что Димитров своим поведением в Лейпцигском процессе доказал свое мужество и рево-

ляки Прухняк, Генриковский и Ленский и многие другие — все они подчеркивали, что «политика самостоятельных союзов» (а ведь она и составляла втечение многих лет подлинную сущность «генеральной линии» Профинтерна) и «самостоятельного ведения стачечных боев» всюду потерпела фиаско и привела к изоляции коммунистов от организованного массового движения. В некоторых странах — в Финляндии, Югославии, Мексике и др. — коммунистические партии уже совершили резкий поворот и призвали своих членов к массовому вступлению в свободные профсоюзы, что явилось, по заявлению делегатов, решающим фактором значительного роста в новейшее время профессиональных союзов этих стран. Для Югославии и Финляндии это, повидимому, в известной мере верно. Но, вероятно, и на делегатов конгресса произвело несколько комическое впечатление, когда английский делегат Карриген попытался об'яснить под'ем в последнее время английского профессионального движения изменением профсоюзной политики английской компартии.

Но там, где такая новая политика проводится, она означает ф а к т и ч е с к и разрыв со всеми традициями Профинтерна. Правда, и раньше, особенно в первые годы своего существования, Профинтерн не раз призывал к массовому вступлению коммунистов в амстердамские профсоюзы — для использования профсоюзов в интересах «ожесточенной борьбы с реформистами», т. е. по существу для ожесточенной борьбы внутри рабочего класса. Но как раз неудача этих попыток и привела в свое время к повороту Профинтерна к политике «самостоятельных союзов». Сейчас и эта политика рухнула. Но новый поворот это отнюдь не возврат на позиции первых лет Профинтерна. Для такого возврата нет и идейной основы, так как от системы взглядов, которая нашла свое выражение в выработанной Профинтерном в 1921 году «программе действий» давно уже ничего не осталось и она еще почти 10 лет назад втихомолку подверглась коренному, принципиальному пересмотру*). Но что, может быть, имеет сейчас еще гораздо большее значение: для такого возврата на позиции первых лет Профинтерна, для возврата к боевой политике, острие которой обращено против амстердамских профсоюзов, нет сейчас и психологической почвы: слишком очевидна для широких кругов рабочих гибельность этой политики пред лицом наступающего фашизма; слишком очевидна и для руководителей мирового коммунистического движения опасность, которая грозит Советскому Союзу, если рабочий класс в судный час истории окажется ослабленным расколом.

Если новая общая ориентировка коммунистических партий в вопросах профсоюзной политики, которая сейчас намечается, действительно будет последовательно проводиться в жизнь, то устраняется самый смысл существования Профинтерна. В сущности на с'езде был поставлен показательный процесс Профинтерна, хотя никто из ораторов и не нашел в себе мужества поставить точку над i. И меньше всего мужества и понимания серьезности положения было в речи главного обвиняемого по процессу, Лозовского, что-то бормотавшего о допущенной им семь лет назад «неправильной формулировке» (какая деликатная оценка!), будто «реформистские профсоюзы — школа капитализма»; как будто речь идет о мелком стилистическом промахе, а не о роковой ошибке, лежавшей в основе всей политики Профинтерна втечение многих лет.

Но и для другого лагеря, для лагеря «амстердамских» профсоюзов годы раскола не прошли бесследно. Правда, нигде, кроме Франции и Чехословакии, Профин-

*) Еще совсем недавно я имел случай напомнить об этом в статье «За единство профдвижения» в № 9-10 «С. В.» за текущий год.

Было бы большой ошибкой отрицать, что в тактике Коминтерна по отношению к европейскому социализму произошел значительный сдвиг. Если бы даже не было VII Конгресса, то практика единого фронта во Франции свидетельствовала бы об этом с достаточной ясностью. Но необходимо отдать себе отчет в том, что новая тактика Коминтерна, создающая предпосылки для единого фронта, является ни чем иным, как частичным переходом Коминтерна на позиции, которые до сих пор являлись характерной особенностью социал-демократии, в отличие от коммунизма (принятие принципа меньшего зла; различение между демократически-капиталистическим и фашистским строем; ориентировка на создавшуюся в результате мирных договоров систему равновесия, противодействие политике авантюр и ревизионизма, готовность принять на себя ответственность при известных условиях за буржуазно-демократическое правительство, за оборону отечества, даже буржуазного и т. п.). Если пользоваться общепринятым политическим жаргоном, то новая тактика Коминтерна и тот единый фронт, пропаганду которого он сейчас ставит во главу угла всей своей деятельности, является сдвигом «вправо» (пример Франции обнаруживает это с особенной убедительностью). Заявлять при этих условиях свою кандидатуру на гегемонию в мировом рабочем движении значит, как мы уже указали выше, не только пред'являть ничем неоправданные претензии, но и вызывать законные сомнения в самой искренности проделываемой эволюции. А этот момент явится серьезным препятствием для дальнейшего развития движения за единый фронт. За годы раскольнической тактики Коминтерна и его утопической оторванной от действительности политики, фактически лишь ослаблявшей силы рабочего класса, создалась стена взаимной отчужденности и недоверия. Если Коминтерн ныне действительно убедился в ошибочности своей былой тактики, если он решился проделать исторический поворот, если он искренно стремится создать предпосылки для честного единого фронта, то он прежде всего должен начать с отказа от всяких заносчивых претензий на гегемонию и засвидетельствовать свою готовность подчиняться принципам рабочей демократии внутри общего движения. Но этого мало. Ту же приверженность к принципам рабочей демократии Коминтерн должен доказать и в стране, в которой его главная и основная секция, ВКП является носительницей революционной диктатуры — в Советском Союзе. Международный социализм без остатка поверит в эволюцию мирового коммунизма и, не опасаясь коварных маневров, сможет пойти на действительный единый фронт лишь тогда, когда будет непреложно доказано, что и в Советском Союзе коммунистами оставлена теория «социал - фашизма», практика заклеймения и преследования всех несогласных с оффициальным руководством ВКП течений и направлений в рабочем классе. Но к этой теме еще придется вернуться.

Р. Абрамович.

люционную неустрашимость. И мы в свое время охотно и безоговорочно его за это приветствовали. Но вот он привел в веселое состояние весь Конгресс рассказом о неудачном выступлении коммунистического оратора на собрании безработных. Однако из его рассказа не видно, чтоб он **по существу** стоял на другой точке зрения, чем высмеянный им неудачливый коммунистический агитатор. Очевидно, и он сам в последнюю минуту перед приходом Гитлера к власти все еще стоял на трагически ошибочной точке зрения «социал-фашизма», «революционного выхода из кризиса» и тому подобных схем, которые сейчас сам характеризует, как «пустословие» и «невежество».

терн не сумел оторвать от «амстердамских» союзов сколько нибудь значительных масс. Но раскол затруднил закрепление в рядах организованного профдвижения гигантских масс рабочих и служащих, хлынувших в профсоюзы в первые годы после войны, и на годы ослабил вербующую силу профсоюзов. И если сейчас почти во всех странах в рядах профсоюзов числится меньше членов, чем в 1920 или 1921 году, то в какой-то и, кажется, в немалой степени эту убыль нужно отнести за счет раскола.

Раскол еще и в другом отношении тяжело сказался на развитии «амстердамского» профдвижения. Позиция Амстердамского Интернационала и об'единяемых им профсоюзов по отношению к Профинтерну была всегда позицией вынужденной обороны и определялась в значительной мере стратегией Профинтерна. И это отнюдь не случайность. Охватывающие широкие массы рабочих, обращенных фронтом к работодателям, и поглощенные борьбой за интересы рабочих, как продавцев рабочей силы, «амстердамские» союзы психологически неспособны играть инициативную роль в борьбе внутри рабочего класса, и никогда такой роли не играли. Это хорошо, но это приводило неизбежно к тому, что инициатива в борьбе между Профинтерном и Международной Федерацией Профсоюзов принадлежала Профинтерну и что апелляция Профинтерна к революционным настроениям масс толкала «амстердамские» профсоюзы вправо и вынуждала их во всей их деятельности проявлять нередко гораздо большую сдержанность, чем это отвечает природе профессионального движения. Достаточно представить себе, во что превращалась в действительности облекавшаяся в крайние демагогические формы коммунистическая агитация за об'явление стачек «без и против профсоюзов», а во время стачек за их «углубление», за нарушение профсоюзной дисциплины и т. п., чтобы отдать себе отчет, как затрудняла эта агитация действительное развертывание стачечной борьбы. И так во всех областях профсоюзной работы. Обстановка раскола не укрепляла, а напротив сковывала активность профдвижения, упрочивала в профсоюзах крайние реформистские настроения, отражающие одну из законных и об'ективно оправданных в определенной исторической обстановке тенденций рабочего движения, но уродующие движение, когда реформизм становится догмой и притязает на универсализм и исключительное господство.

Отрицательные черты этого развития сказывались еще сравнительно слабо, пока для рабочего класса открывались на реформистских путях более или менее значительные непосредственные практические возможности. Втечение первого десятилетия после войны рабочие массы под руководством профсоюзов и с.-д-тии действительно достигли заметных успехов в экономической и социально - политической области. Но с наступлением и обострением затяжного мирового кризиса положение стало меняться, а с переходом фашизма в победоносное (пока) наступление в широких кругах пролетариата все отчетливее начала ощущаться потребность в поисках новых путей. Времена относительно значительных успехов на путях мирного развития, не посягающего на основы современного социального и экономического строя, явно близятся к концу, для многих стран уже безвозвратно миновали. Отошла в прошлое обстановка, в которой уже самый факт существования рабочего класса, как организованной общественной силы, обеспечивал известный автоматизм развития в направлении постепенного под'ема рабочего класса. Рабочее движение все острее ощущает потребность в общей стратегической переориентировке, в преодолении тех настроений пассивного фатализма, которые пустили корни в европейском рабочем движении. Настроения эти изживаются, хотя и медленно. Новейший под'ем профессионального движения в ряде европейских стран, так поразивший вождей Коммунизма, является порукой тому, что европейское рабочее движение преодолеет стоящие на пути его новой консолидации трудности. Но не приходится закрывать глаза на тот факт, что годы раскола и борьбы, пусть вынужденной борьбы «налево» оставили глубокий след в психике широкого слоя активных работников профдвижения и что этот психологический груз особенно тяжело давит на сознание руководителей европейских профсоюзов.

О путях к преодолению раскола и о задачах, встающих, и перспективах, открывающихся перед профдвижением при восстановлении единства, — в другой раз.

С. Шварц.

Декрет о школе

Две передовицы и один Радек в подвале «Известий» представляют собою скудный отклик казенного «общественного мнения» на новый декрет Совнаркома СССР и ЦК ВКП «об организации учебной работы и внутреннего распорядка в начальной, неполной средней и средней школе». Между тем, этот новый декрет о школе заслуживает не казенного славословия с непременным акафистом Сталину, а серьезной критической оценки в свете общей эволюции советского строя на излете генеральной линии.

Новый декрет от 3 сентября завершает линию попятного развития на школьном фронте. «Сматывание удочек» началось еще с ревизионистских декретов от 5 сентября 1931 г., от 25 августа 1932 г. и от 16 мая 1934 года *). Декретов 1931 - 34 гг. оказалось однако недостаточно, чтобы «завинтить», наконец, распущенную «левацким экспериментаторством» советскую школу и поставить ее на службу генеральной линии. Нестроение советской школы со всеми его последствиями—низким уровнем знаний и распущенностью учащихся — продолжается. Ответственность за это новый школьный декрет, подписанный Молотовым и Сталиным, равно как казенные комментарии к нему возлагают на всех решительно — на республиканские наркомпросы, повинные в «недопонимании (!) важнейших вопросов организации и укрепления школы»; на работников народного образования, не до конца изживших еще «глупую антиленинскую теорию отмирания школы»; на комсомол и пионерскую организацию, «не сумевшие стать организационным центром стремлений детей к самостоятельной работе, к самостоятельной жизни» (Радек); на родителей, не следящих за успеваемостью и за поведением детей, наконец, на всю советскую общественность, безучастную к вопросам школы.

Все виноваты, — кроме возглавителя просвещенной диктатуры, который, по раболепному свидетельству Радека, неусыпно «следит за вопросами школы с неменьшимъ вниманием, чем за вопросами хозяйства и армии». Точно не Сталин втечение всего последнего десятилетия единодержавно направлял ход всей правительственной деятельности — в хозяйстве, в армии, в школьном деле! Точно не при нем буйным чертополохом расцвели «глупые антиленинские теории отмирания школы»! Точно не при нем пропагандировались мнимо - социалистические теории отделения детей от семьи и семьи от школы! Точно не при нем, в самом деле, школа подверглась опытам сплошной технологизации в ущерб грамотности и общему образованию!

*) См. П. Гарви: «Компросвещение» в «С. В.» за 1931 г. № 20, «Поворот к грамоте» в № 17-18 за 1932 г. и «В борьбе с культурным неурожаем» в № 11 за 1934 г.

Революция не могла, естественно, не отразиться на народном образовании, на школьном деле. Увлечение новаторством и педагогическими экспериментами было неизбежно. Русская школа нуждалась въ радикальной реформе. Отрицание деляновской школы, мертвящий дух которой воплощен в чеховском «человеке в футляре», началось впрочем задолго до революции 1917 г. В сущности, уже после 1905 г. теоретическое отрицание деляновщины стало все больше переходить в практику школьного дела. Русская педагогическая мысль была одной из самых передовых во всем мире. Земская народная школа могла похвастаться немалыми достижениями. Для действительного положения предреволюционной русской школы, недостатки и болячки которой кстати открыто и свободно обсуждались и с думской трибуны и в сравнительно свободной печати, едва ли характерно огульное утверждение «Правды» от 4 сент., будто «в ней господствовала палочная дисциплина, имевшая целью воспитать покорных царских слуг».

Не здоровое в основе стремление к новаторству в школьном деле ставим мы в вину большевистской диктатуре, а безоглядное экспериментаторство и прожектерство, скоропалительное распространение непродуманных и непроверенных лабораторных опытов на все школьное дело, оказенивание, обездушивание и калечение школы, отданной под начало невежественных комячеек, замену грамоты политграмотой, превращение учителей в покорных и забитых «шкрабов», поощрение школьнической вольницы и распущенности, внедрение сыщицкой и доносительской атмосферы в отношения школьников друг к другу, а особенно к учителям и к родителям.

Плоды такого «просвещения» дают себя больно знать в виде низкого уровня выносимых из школы знаний и ужасающего роста детской распущенности, часто превращающей «цветы земли» в социально - опасный элемент. Пугающий рост детской преступности, как результат детской беспризорности и безнадзорности, был, несомненно, одним из главных стимулов новейших школьных декретов.

Другим результатом этой политики — и стимулом к реформе школьного дела — является низкое учебное качество советской школы. В период военного коммунизма и потом в «реконструктивный» период генеральной линии, когда промышленное строительство совершалось преимущественно под руководством иностранных спецов и мастеров руками малограмотных или безграмотных «энтузиастов», еще можно было, по выражению Герцена, на петровский манер «сорить людьми». Но когда пришло время освоения понастроенных промышленных гигантов, машино-тракторных станций и моторизированного оборудования Красной Армии, большевистский эксперимент уперся в проблему кадров, а проблема кадров — в проблему школы. Пушечным мясом не заткнешь теперь «прорывов» и «узких мест», нужны мозги!..

Рост советской школы вширь не сопровождался ее развитием вглубь. Огромный рост школьной сети, количества учащих и учащихся, всеобщей грамотности сопровождается общим понижением качества «школьной продукции». «Приемные испытания в высшие учебные заведения, — пишет «Правда», — показали, что значительное количество окончивших в этом году среднюю школу недостаточно подготовлены для прохождения наук в высшей школе». Даже простая грамотность является достижением немногих. Напр., по данным той же «Правды», лишь 20% всех поступивших в первый медицинский институт в Москве выдержали испытания по русскому языку на «отлично» и «хорошо». Что же говорить о грамотности, о познаниях в арифметике, в географии, в истории и т. п. оканчивающих начальную школу и неполную среднюю школу, т. е. подавляющего большинства?

Радек прав: «школьный план есть часть общего плана строительства социализма». Но какое уж тут строительство социализма, когда школа не выполняет даже своих примитивных задач? «Азбука для взрослых» — озаглавлена статья Радека о декрете 3 сентября*). «Азбука для власти» было бы более подходящим заглавием. Ибо азбука научного социализма, являющегося официальным вероучением власти, подчеркивает необходимость не только экономических, но и культурных предпосылок для строительства социализма. Разрыв между «школьным планом» и «общим планом строительства социализма» не случайность, не досадный недосмотр мудрого диктатора, не оплошность и «недопонимание» наркомпросов, а закономерный результат утопического эксперимента построения социализма в одной, притом отсталой, стране методами тоталитарной диктатуры.

Чем крайнее было недавнее увлечение педагогическим прожектерством и экспериментаторством, тем сильнее сейчас школьно - политическая «отдача». На смену безоглядному экспериментаторству идет столь же безоглядное попятничество. Декрет 3 сентября в этом отношении представляет собою «новизну», в которой, воистину, деляновская «старина» слышится! Все реквизиты дореволюционной казенной школы восстанавливаются в полной своей красе и славе: пятибальная система отметок, отметки за поведение, похвальные грамоты, ученические билеты, внешкольный надзор за учащимися, обязательное ношение формы. Но даже Деляновъ не доходил до бюрократической затеи обязательного облачения в форму 25 миллионов школьников! При старом режиме форма была обязательна для гимназистов и студентов, но не для учеников низшей школы. «Правда» противопоставляет советскую школу школе буржуазных государств. Но обязательное ношение форменной одежды неизвестно ни одной буржуазной стране, хотя школьная дисциплина в них неизмеримо выше, чем в советской школе.

Оговоримся: в новом школьном декрете имеются и положительные, разумные предписания. Положительным мы считаем установление материальной ответственности родителей за несвоевременное определение детей в школу. Запрещение требовать от родителей представления в школу документов и справок кроме документа о возрасте ребенка и справки о привитии оспы, поскольку тут действительно имеется в виду отмена обязательных справок о «социальном происхождении», точно также можно только всемерно приветствовать. «Социальное происхождение» не должно быть проклятием для одного ребенка, лжепривилегией для другого.

Восстановление в полной мере системы поверочных испытаний, пятибальной системы отметок, отметок за поведение, надзора за детьми вне школы и т. д. может быть и требуется сейчас ненормальным положением советской школы. Но как не отметить, что въ буржуазной школе Западной Европы постепенно и не без успеха отходят в послевоенное время и от традиционной системы переходных экзаменов, и от механической оценки успеваемости и поведения «отметками», и от надзора за школьниками вне школы, и вообще от старых приемов насаждения дисциплины и повышения прилежания школьников. Но самая необходимость выкидывания за

*) Как показательны для характеристики «дореформенной» советской школы, — но и для умонаправления стыдливо термидорствующей диктатуры! — хотя бы следующие образцы **прописей** из радековской **«Азбуки для взрослых»:** «Школа есть школа, т. е. она должна учить», «Учителя обучают детей, а не наоборот», «В школе ребенок должен научиться дисциплине», «Право носить форму школы есть великая честь» и т. п.

борт, как ненужного груза, всех даже здоровых в основе педагогических новшеств свидетельствует не только о размерах и глубине школьного маразма в Сов. России, но и о беспринципности власти, попавшей в положение курицы, высидевшей утят, и растерянно хватающейся за дореволюционные и даже дореформенные приемы внедрения порядка и учебы в школу.

Этот панический «черезчур» в школьной политике, эта реставрация деляновщины могут быть об'яснены лишь одним — упорством диктатуры, готовой предпочесть даже «самотермидорство» малейшему развязыванию политической и духовной свободы русского народа. Именно потому Сталин должен делать позаимствования у Толстых и Деляновых, именно потому он вынужден искать спасения в чисто внешних, механических, казенных формах воздействия на школьную молодежь, что другие приемы, другие методы, другие формы, с успехом практикуемые передовой подагогикой даже буржуазного Запада, неприменимы в атмосфере духовной несвободы. Приходится одеть 25 миллионов школьников в форменную одежду и культивировать в них, по завету Николая Палкина, «честь мундира» (Радек); приходится пришпоривать советских детей «похвальными грамотами», аттестатами («аттестат, выданный советской школой, — это серьезный государственный акт»), отметками; приходится, наконец, организовать внешкольный надзор за учащимися, который в атмосфере общего бесправия, неизбежно выродится в шпионство и доносительство, — приходится на все это итти, потому что без этих «старорежимных» приемов казенной педагогики советская власть не надеется преодолеть ни глухоголового невежества советских бурсаков, ни ужасающей «недисциплинированности, а тем более хулиганства наших детей» (Радек).

Что даст в самом деле запоздалая аппеляция декрета к родителям, толки о связи семьи со школой, о восстановлении родительского авторитета, когда родители, как и педагоги, заведомо для детей лишены всякой самостоятельности, всякой независимой инициативы, всякой гражданской и политической свободы, когда они чувствуют и ведут себя как рабы? В припадке полупокаянной полуоткровенности Радек пишет: «На глазах детей мы разрушили все старые авторитеты и создали авторитет коммунистической партии и советской власти. Дети... не принимали участия ...в процессе разрушения старых авторитетов, но этот процесс разрушения им чрезвычайно понравился. Они знают наше критическое отношение к старой семье; они переносят это на семью вообще». Теперь власть механическими мерами воздействия на молодежь тщетно пытается укротить разрушительные инстинкты безнадзорной детворы, внушить ей уважение к авторитету государства, семьи, школьного персонала.

Но никакими декретами не заменить животворящего духа свободы! Свободная школа возможна только в свободном государстве. В школе, поставленной на службу диктатуре, возможно штампование молодежи, культурная обезличка, но невозможно воспитание строителей социализма. Пока диктаторы, подобно свергнутым царям, продолжают смотреть на русский народ «с презрением горшечника к глине, как на бездушный материал, обязанный принять по произволу любую форму» (Бакунин), — до тех пор школа будет заниматься «переделкой человека», но отнюдь не на социалистический лад.

По поводу прошлогоднего декрета о реформе школьного дела мы писали в «С. В.» (№ 11): «Как ни ставить преподавание истории с географией, как ни насаждать дисциплину и порядок в классах, как ни поднимать авторитет директора в школе, все эти, сами по себе положительные, мероприятия скоро зачахнут в удушающей атмосфере духовной несвободы и инквизиторского умовредительства». Новейшие бюрократические потуги Сталина по части «реформы» школьного дела, лишенные впрочем всякой оригинальности, обречены на ту же участь и по той же причине: культура без свободы такая же утопия, как и социализм без культуры.

П. Гарви.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

НА «ТРЕТЬЕМ ФРОНТЕ».

Когда хочешь найти рамку, в которую можно было бы заключить общее впечатление от художественных произведений последнего периода, в душе возникает образ поезда, в котором пассажиры, долго ехавшие вместе, под'езжают к конечной станции. Дорога оторвала каждого из них от его личных дел и забот, все пассажиры на время об'единились общностью переживаний самого путешествия. Но вот поезд скоро подойдет к станции. Общий разговор в поезде вдруг не клеится, каждый занят уже мыслями о себе, о своих делах, о своей семье...

Совместное путешествие писателей в вагоне «генеральной линии» кончается и впечатления пережитого пути начинают тускнеть. Линию романа о строительстве выдержал за последнее время только один молодой писатель Алексей Карцев в «Магистрали». Это такое же заключительное звено в длинной цепи произведений о строительстве, каким был «Разгром» Фадеева в серии произведений о гражданской войне. Но вот характерная особенность: трудно найти произведение по своей теме более связанное с темой строительства и вместе с тем более далекое от него по своему внутреннему звучанию, чем Карцевская «Магистраль» У людей Карцева своя сложная и длинная биография, она не началась в годы генеральной линии и она не кончится с ее концом. В романе как бы две лирические струи: одна, идущая от строительства; Карцев искренне привязан к его руководителям, но любит он их постольку, поскольку они не нарушают его лирической настроенности, источники которой бьют на большой глубине: это не строительство, не генеральная линия и даже не революция, это огромная крестьянская страна, в которой люди живут трудно, бедно, тревожно, но которую автор любит сыновней, иррациональной любовью. По-настоящему и глубоко он привязан только к тем людям, на которых осела пыль родной земли. Вот на строительство прибыла артель грабарей: «Они стояли за Кочубеем (старшим артели), подбочась, и в упор оглядывали начальство, от них пахло пылью и дружбой, ветром и дерзостью — суровым и вольным дыханием кочевья». И среди руководителей строительства безраздельной любовью автора пользуются только такие люди, как инженер Рыбаков, прораб Дорофеев — дети старой земской России. Советская критика, хотя и почувствовала смутно, что роман Карцева проникнут какими-то непривычными для нее настроениями, но так как придраться было не к чему — и кадры на строительстве неплохие, и энтузиазм есть, и сам Сталин изображен монументально — она вежливо похвалила автора и поторопилась отодвинуть его произведение куда-то на запасный путь.

Отсутствие одной об'единяющей общественной темы, которое уже однажды наблюдалось в период 1927-28 гг., «отставание от жизни», за которое корит критика литературу, особенно характерно для основного ядра советских писателей. Вс. Иванов второй год печатает «Похождения факира». Это автобиография писателя,

широкое полотно дореволюционной мещанской и полулюмпенской сибирской провинции. С нею когда-то Иванов и пришел в литературу. Но тогда он показал ее в революции, тогда он сумел услышать в скудной мыслями и словами речи своих персонажей причины этой скудости и тоску по другой, человеческой жизни. В «Похождениях факира» всего этого нет. Повествование выдержано в серых, равнодушных тонах и редко-редко в нем мелькнет человек, у которого есть «своя блоха на уме», и исчезнет в мутной стоячей воде. Косноязычие, «затруднительное течение мысли», которым страдают люди Иванова, ленивый разгул равнодушия, который царствует во всех городах, куда забрасывает судьба Иванова, как будто начинает засасывать и его самого.

Молчат Леонов, Бабель, Романов, отписываются мелочами Сейфулина и Олеша. Особенную тревогу внушает Зощенко. Уже его повесть «Возвращенная молодость», появившаяся два года назад, говорила о каком-то творческом надломе писателя, надломе, который автор судорожно пытался замаскировать. «Голубая книга» свидетельствует о том, что этот надлом писателем не преодолен. Это сборник разсказов о любви, о неудачах, о подлости людской. В него вошло много старых разсказов Зощенко времен нэпа. Но из каждого такого разсказа Зощенко, делая шутовские реверансы в сторону «нашей великолепной действительности», удаляет сатирическое жало разсказа: конечно, описанный, мол, случай хотя и безобразен, но таких случаев становится «все меньше и меньше». Рассказы о советской действительности перемежаются рассказами из истории капиталистического Запада. Гримируясь под Чарли Чаплина и переводя его жесты и мимику на язык слов, Зощенко совершает путешествие вглубь веков и народов, извлекая образцы подлости, низости и корысти людской. После чтения этой странной литературной стряпни встает перед читателем трагический образ писателя, вовсе не играющего роль Чаплина, а обнажающего перед ним свою собственную, кем-то искалеченную жизнь.

Разлад с современностью, который вновь переживают сейчас основные кадры бывших «попутчиков», бросается в глаза особенно потому, что он не вытекает из кризиса идеологии, как это было при начале генеральной линии. Тогда уход от современности был понятен: в стране надвигался новый революционный буран и можно было либо ринуться в гущу событий, либо уйти в себя. Сейчас самое тяжелое позади. Имеются несомненные «достижения», которые в глазах писателей «оправдывают жертвы». Да и нянька, приставленная к писателям в лице казенной критики, это уже не «братишка», возродившийся в начале генеральной линии, который время от времени постреливал в воздух над ухом попутчика для его «поощрения». Критик надел галстук, выходит к писателю чисто выбритый, говорит с ним дружелюбно и поощрительно, и писатель с ним «согласен», вот только «положительный герой» и современность не даются этому писателю.

Отсутствие центральной общественной темы, которая могла бы вдохновить писателей, особенно ощущается у молодых писателей. У «стариков», пришедших в литературу вместе с революцией, в прошлом многое путанно, у них свои счеты с революцией и диктатурой. Путь молодых, хотя и был нелегок, но в каком-то смысле они менее отягощены «грузом прошлого». Во все предыдущие периоды революции каждый молодой писатель передавал какой-то новый оттенок современности, ее думы и настроения. Сейчас в литературу пришло много молодых писателей, с хорошо сделанными, но незначительными вещами. Преобладает тема «перековки» человека, «второе рождение» человека, превращение его из «урка» в героя ударника (Микитинко «Утро», Погодин «Аристократы», Липатов «Сокровище корабля»). Сама по себе эта тема могла быть общественно интересной и значительной, если бы произведения, посвященные разработке этих проблем, не являлись образцами грубой «лакировки» действительности. Еще распространенней рассказы из жизни летчиков-героев, из жизни научных экспедиций, языком Чарской пишутся рассказы из жизни национальных республик Союза. Но все эти летчики, военные, участники экспедиций показаны в праздничные моменты своей жизни. Вот почему разработка этих тем вовсе не воспринимается как работа над осмыслением современности, а как бегство от современности под благовидным предлогом. На смену «индустриальной халтуре» первых лет генеральной линии пришла героическая халтура, и прав был один советский критик, упрекнувший писателей «в иждивенском отношении к действительности».

Иные настроения начинают пробиваться в группе «пролетарских писателей». За годы генеральной линии они тщетно гнались за современностью, бросаясь на самые разнообразные темы, но тщательно избегая изображения жизни рабочих. Тем отраднее отметить сейчас намечающееся возвращение пролетарских писателей к рабочей тематике. Так, Чумандрин печатает сейчас роман «Год рождения 1905» из жизни рабочей улицы между двумя революциями, как ее воспринимает сын рабочего-большевика Ажогин. Никифоров принялся за исторический роман «Мастера», действие которого начинается в эпоху русского грюндерства. О жизни современных рабочих большую повесть отважился написать Гладков: «Трагедия Любаши». В центре повести молодая работница-активистка. За ее энергию ее назначают бригадиром. Но вот вследствие плохого качества сырья она и ее бригада попадают в глубокий прорыв и Любаша из героини превращается в золушку. На нее сыпятся замечания, выговоры и даже угрозы со стороны разнообразного начальства, насмешки товарищей по работе. Самолюбие ее уязвлено. Сознание своей невиновности обостряет душевный конфликт. На производственном совещании в цехе в числе хулителей Любаши выступает и ее муж, тоже коммунист и требует в случае, если Любаша не справится с прорывом, исключить ее из партии. В один из выходных дней, раздавленная своими переживаниями, до которых никому нет дела, Любаша загляделась на витрину книжного магазина, где выставлена была книга Гюго «Отверженные»; «что-то близкое» зазвучало ей в этом названии, «она ведь сейчас тоже отверженная... Почему наши писатели, — думает Любаша, — не пишут о таких вот женщинах, как она, о ее тоске, о ее болях и страданиях? В их книгах много крику и восторгов насчет достижений, но люди с их муками, с душой, дрожащей от слез и обид, с беспокойством и отчаянием в сердце, — люди, которым дорого обходятся эти достижения всей страны и даже одного завода, не чувствуются, точно вещи и машины дороже их, точно они становятся на место машин и заводов, а вещи и заводы — на место людей». Повесть, правда, кончается благополучно, Любаша добивается того, чтоб ее бригаде разрешили в порядке добровольной нагрузки самой предварительно рассортировать пряжу и брак удается снизить. Но этот конец звучит неубедительно и повесть в целом остается глубоко пессимистической. Единственный настоящий просвет в ней это кадры старых рабочих, в которых даже американские темпы не убили чувства солидарности и человечности. Прекрасен в повести образ старой работницы Капитоновны, выступающей на производственном совещании в защиту Любаши: «Надо бы, милые, не от злобы, а по-родному... Горе да беду оди-

наково делить... Пряжа-то нехорошая, очень хилая... Вот машина-то болеет, задыхается. А только побольше бы ласки к человеку, ухо бы поближе к сердцу». С большой теплотой нарисован и образ старухи Марьи Власовны, старого мастера Сергеева, которые спасают Любашу от исключения из партии. Советскому критику Ермилову, далекому от реальной жизни рабочих и видящему ее только сквозь радужную призму «нашей великолепной действительности», такой показ этой жизни кажется чудовищным поклепом на нее и он патетически зовет Гладкова «понять ошибочность своей повести и основной ее концепции» и написать такую вещь, в которой «вновь засверкал бы страстный пафос «Цемента».

Не стоит задерживаться на этом пожелании, идущем из лагеря Монолитовых с их «наигранной ловкостью мозга», так беспощадно разоблаченных однажды самим Гладковым (см. его рассказ «Вдохновенный гусь»). Но следует задуматься над одной особенностью, которая при всей пестроте тем все чаще проскальзывает в новейших произведениях. Мы имеем в виду искреннюю идеализацию писателями людей старого поколения: это старые рабочие, старые интеллигенты, сумевшие сквозь все тяжкие годины пронести в душе общественные идеалы своей далекой юности. Они не борцы и не «застрельщики эпохи», это всего лишь скромные, честные труженики, умеющие, несмотря на суровые условия жизни, найти время, чтобы просто помочь людям жить. В этой связи особый интерес приобретает роман молодого писателя Конст. Шубина «Третий фронт». Произведение это, кстати, помогает понять читателю, какая новая тема настойчиво стучится в дверь писателей. Место действия романа — университетский провинциальный город, время действия — канун реформы высшей школы, в центре повествования — преподаватели и учащиеся. Безрадостный фон провинциального университета, где большинство преподавателей — старые профессора, ехидствующие по поводу каждого нелепого распоряжения Наркомпроса и «неуклонно» проводящие его в жизнь, не светлеет от приезда в университет молодого профессора-коммуниста. Птенец института красной профессуры Старостин вовсе не злодей, у него много знаний, он энергичен, но он эгоистичен, сух, и, по существу, это современный двойник Чеховского «человека в футляре». При всей своей мировоззренческой антагонистичности старым доживающим университетским кадрам он разоблачается писателем, как об'ективный союзник реакционных сил университета. Этому реакционному лагерю противоставляется старенький преподаватель рабфака, Токарев, живой хранитель заветов дореволюционной идеалистической интеллигенции. Никакой руководящей роли в общественной жизни он, конечно, не играет, он весь растворяется в деятельной помощи учащимся: одному поможет одолеть премудрости русской грамматики, другого накормит, третьего пригреет, четвертому раздобудет теплые варежки. Устав от бестолочи бюрократических директив, от бездушного и жестокого обращения с людьми — писатель и читатели отогреваются в тихой комнатке Токарева, как в надежной гавани. Дела учащейся молодежи не веселее: там руководят «веселые ребята». Это совсем неплохие ребята, беда только в том, что они отравлены штурмовщиной, малограмотны и совершенно незащищены от вторжения в их среду карьеристов и склочников. Но в образе рабочего-студента Антонова писатель развертывает перед нами новый идеал человека, уходящего корнями в революционную и народную почву и не мирящегося с окружающим бездушием и бюрократизмом. Его ощущение действительности, как действительности, вышедшей из победоносной революции, дало Антонову новый наказ: «Оно велело теперь итти против Старостина, против большинства ребят, стискивать челюсти от выговора бюро и все-таки не сдаваться». Автор несколько загадочно назвал свой роман «Третий фронт». Он нигде не об'ясняет этого названия, в тексте романа нигде его не употребляет, но смысл его ясен: Сейчас борьба идет уже не на старых фронтах — революции и контрреволюции; сейчас возник новый, «третий фронт», внутренний фронт консолидирующейся революционной страны, фронт борьбы против ее социального перерождения и бюрократического окостенения, борьбы за завершение революции, как гигантского освободительного процесса, открывающего для миллионных трудовых масс пути экономического и культурного под'ема.

В. Александрова.

Пятый конгресс Социалистического Интернационала Молодежи

ОТЧЕТ О КОНГРЕССЕ *).

Конгресс СИМ'а в Копенгагене, происходивший 24-27 августа явился первой крупной демонстрацией сил международного социализма после тяжелых поражений последних лет. Конгресс собрался достаточно времени спустя после фашистских переворотов в центральной и восточной Европе, чтобы отразить состояние движения в новых условиях.

Некогда крупнейшие секции СИМ'а — австрийская и германская — игравшие руководящую роль в И-ле, должны были перейти на нелегальное положение. Многообещавшие организации в Польше, Латвии, Эстонии, Болгарии и Испании вынуждены вести свою работу либо в глухом подполье, либо в условиях полулегальности. Расширение сектора нелегальных секций компенсируется, правда, ростом французского союза, присоединением к СИМ'у групп молодежи при англ. Раб. Партии, предстоящим в самом близком будущем вхождением в СИМ бундовской организации в Польше «Цукунфт»**) и норвежской социалистической молодежи. Но ни французские, ни английские тт. недостаточно сильны, чтобы наложить на СИМ отпечаток, соответствующий удельному весу Франции и Англии в мировой политике. В результате подобного распределения сил в СИМ'е доминируют секции небольших стран Сев. Европы, в первую очередь Скандинавских и Голландии, крепнущие с каждым годом, насчитывающие десятки тысяч членов (в одной Швеции свыше 100.000). Эти секции, в отличие от стран центр. Европы, развивая свою деятельность в условиях демократии, в состоянии уделять внимание специфическим задачам юношеского движения: культурно - просветительной работе и вопросам охраны труда подростков. Проблемы, которыми они живут, как бы важны они ни были, с трудом укладываются в рамки опыта других секций СИМ'а, втянутых обстоятельствами, так сказать, в чисто политическую борьбу. Отсюда вырастает главная трудность в деле намечения линии поведения общей для всего Интернационала. Резкое различие внешней обстановки деятельности отдельных секций СИМ'а приводит к неодинаковой оценке политических задач, стоящих перед рабочей молодежью. Специфическое положение Скандинавских стран и Голландии сужает кругозор руководителей организаций молодежи в этих государствах. Отсюда известный провинциализм, который они вносят, опираясь на свое численное преобладание, в тактику СИМ'а. Все это необходимо учесть для правильного понимания решений Копенгагенского конгресса. В интересах об'ективности следует добавить, что влияние союзов Скандинавских стран и Голландии в СИМ'е определяется не только количеством членов об'единяемых ими. Наши скандинавские и голландские товарищи оказывают огромную и совершенно неоценимую поддержку нелегальному движению. Они же несут на себе всю тяжесть организационной работы Ин-ла.

---

*) Конгрессу предшествовали заседания: Бюра (22 августа) и Исполкома (23 августа).

**) Событие, наступление которого мы ждем с особым нетерпением.

Ограничившись этими общими замечаниями, мы остановимся лишь на двух моментах в работе конгресса, особенно интересующих русского читателя: на вопросе о Советской России и на пролетарском единстве.

Вопрос о Советской России всплыл косвенно, в связи с прениями о борьбе с опасностями войны. Что Россия стоит под угрозой нападения со стороны Германии и Японии — в этом отдавали себе отчет все участники конгресса. Что попыткам вторгнуться в пределы Советского Союза — откуда бы они ни исходили — следует дать самый решительный отпор, не вызывало и не могло вызывать никаких сомнений у делегатов. С самого своего основания СИМ, равно как и РСИ, в полном соответствии с тактической линией нашей партии, выступает категорически против интервенции и попыток спровоцировать Россию на войну.

Но в отличие от прежних лет, большинство конгресса не сочло возможным в резолюции, клеймящей военные приготовления фашистов всех мастей, особо отметить необходимость защиты Советского Союза. По мнению большинства делегатов, борьба против военной угрозы Советскому Союзу является лишь частным случаем борьбы против войны вообще. Выделение такого частного случая, при умолчании резолюции о том, что фашизм угрожает ряду государств (Дании, Балтийским странам, Литве, Чехословакии) означало бы в глазах участников конгресса солидаризацию с внешней политикой России. Между тем подобной солидаризации конгресс хотел избежать по разным соображениям. Россия в отличие от прошлого участвует в коалициях, цели которых далеко не ясны. Россия, несмотря на явно-выраженную волю к миру, делает шаги, не могущие не вызвать осуждения (например, поставка Италии, готовящей нападение на Абиссинию, зерна и нефти — факт, к которому неоднократно возвращались в своих выступлениях отдельные делегаты. И, наконец, боязнь искони нейтральных стран — Швеции и Дании — оказаться втянутыми в орбиту русской внешней политики. Буржуазная пресса Швеции использовала работы конгресса, чтобы вести кампанию против соц.-дем. правительства Швеции, обвиняя последнее в подчинении интересов страны интересам защиты Советского Союза.

Мы изложили, с возможной об'ективностью, мотивы, которыми руководились шведская и датская делегации. Нет нужды об'яснять, отчего эти мотивы не показались убедительными делегату нашей партии, равно как и ряду других участников конгресса. Наша точка зрения получила отражение в заявлении по мотивам голосования, оглашенном русским делегатом на конгрессе, текст которого мы приводим полностью:

«С величайшим сожалением я констатирую, что оказалось невозможным включить в резолюцию о борьбе с фашизмом и опасностью войны абзац о необходимости защиты Советского Союза. Несмотря на то, что речь идет в данном случае о соображениях чисто-тактического характера, ни в какой мере не колеблющих абсолютно отрицательного отношения СИМ'а к попыткам интервенции против Советской России, откуда бы она ни исходила, я не могу признать эти соображения убедительными. В момент, когда Советский Союз стоит под непосредственной угрозой нападения со стороны Японии и Германии, следовало все подобные соображения отодвинуть на задний план и, несмотря на критическое отношение к внешней и внутренней политике большевиков, продемонстрировать еще раз несокрушимую волю социалистического пролетариата защищать завоевания русской революции. Из этих соображений я воздерживаюсь от голосования».

К этому заявлению присоединились делегации австрийская, польская, балтийская.

Гораздо меньше споров вызвала резолюция конгресса о пролетарском единстве. Несомненно расхождения по вопросу об едином фронте остаются чрезвычайно глубокими. В прениях на конгрессе делегаты имели возможность высказаться с полной откровенностью. Первоначально политической комиссии были представлены два проекта резолюций. Один — датским докладчиком об едином фронте, являющимся противником контакта с коммунистами. Другой — сторонниками единства, выработанный на совместном совещании австрийской, балтийской, бельгийской, данцигской, польской, **русской** и французской делегаций. Но еще до заседания политической комиссии датский докладчик снял свой проект резолюции и согласился принять за основу проект сторонников единства. Проект этот с некоторыми немаловажными изменениями, внесенными правыми, и оказался принятым конгрессом — **единогласно.** Соглашение оказалось возможным, ибо удалось договориться о предпосылках решения о едином фронте и, с другой стороны, потому что резолюция имеет скорее организационный, чем политический характер.

Все участники конгресса исходили из того, что единство с коммунистами не может быть куплено ни ценой раскола внутри СИМ'а, ни ценой отказа от тесной связи, существующей между СИМ'ом и РСИ. Далее все делегаты решительно отказывались придать организациям социалист. молодежи, а, следовательно, и СИМ'у характер политической партии. Отсюда следует необходимость оглядываться на политику, проводимую РСИ и с.-д. партиями в отдельных странах.

Все же, несмотря на свой мало-политический характер, резолюция конгресса о единстве является шагом вперед по сравнению с решениями, принимавшимися до сих пор. Прежде всего резолюция формулирует положительное отношение СИМ'а к восстановлению единства международного пролетариата. Затем она подхватывает инициативу последнего заседания Исполкома РСИ, приветствует его решение изучить результаты VII конгресса Коминтерна и поручает Бюро СИМ'а проследить работы предстоящего конгресса КИМ'а, с тем, чтобы установить, создалась ли действительно почва для преодоления раскола. Наконец, — и это особенно важно, — резолюция намечает пути, которыми следует итти в случае, если предварительное собирание материалов РСИ и СИМ'а даст положительные результаты. Конгресс поручает Исполкому СИМ'а наметить основы соглашения с КИМ'ом, учитывая опыт **всех** секций, принадлежащих к СИМ'у.

В интересах действительного преодоления раскола следует пожелать, чтобы руководители Коминтерна и КИМ'а правильно поняли этот заключительный абзац резолюции. Если они искреннее желают восстановить единство международного пролетариата, они должны прекратить делить весь мир на две части: буржуазно-капиталистические страны, где они готовы установить контакт с соц.-демократией, и Россию, где они не желают ничего слышать о единстве. Резолюция конгресса СИМ'а дает им предостережение: этим путем социалистическое рабочее движение итти не желает.

В заключение два замечания. Общение с участниками конгресса показало, что революционный ореол, окружавший до сих пор Советскую Россию, рассеивается в сознании социалистических масс Западной Европы. Внутренняя и внешняя политика Советского правительства несет ответственность за то, что революционная Россия постепенно становится в глазах трудящихся всего мира государством, как и все другие. Российская социалдемократия напрягает все усилия, чтобы, несмотря на недоверие, вызываемое большевистской диктатурой, поддержать в рабочем классе Европы сознание об огромном об'ективно-революционном значении русских событий. Политика Сталина неимоверно затрудняет успешность этих усилий.

Другое замечание касается задач нашей партии. Движение в пользу единства ставит ныне в порядок дня интернациональные переговоры. Поэтому приспело время, когда рос. соц.-демократия, в качестве русской партии, должна недвусмысленно сформулировать условия, на которых и только на которых возможны переговоры между социалистическим и коммунистическим Интернационалом .

Б. Сапир.

***

Советская с.-д. молодежь была представлена на конгрессе т. Б. Сапиром.

Резолюции конгресса, в виду недостатка места, будут напечатаны в следующем номере.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НЮРНБЕРГ.

Основным вопросом европейского фашизма является вопрос о возможностях его стабилизации, который имеет и обратную сторону: как и каким темпом фашизм накапливает во вне и внутри взрывчатые материалы, грозящие катастрофой и ему, и европейскому капитализму.

Общие масштабы здесь невозможны. Национал - социализм представляет собою не просто фашизм, но его особую национальную разновидность. Стабилизация удалась на протяжении 13 лет итальянскому фашизму потому, что ему удалось образовать органический сплав из старой реакции и новой контр-революции, заключить мир с католическою церковью, дать буржуазному обществу некоторые нормальные условия существования. Итальянский фашизм вообще представлял нормальный тип контр-революции, без патологии, без бреда, без ловли чортиков на плече. Предпосылкой хотя бы временной стабилизации фашистского режима является нормализация фашистской партии.

Нюрнбергский конгресс показал, что в Германии эти предпосылки не даны. С Гитлером пришла в Германии к власти не просто контр-революция, но дно и подполье контр-революции. Старое коммунистическое определение — «приказчики

капитализма» не говорит решительно ничего: Гугенберг был во всяком случае более солидным приказчиком. Эти странные приказчики обращаются довольно бесцеремонно с хозяйским добром, с традицией и культурой буржуазного общества, с его понятиями о праве и нравственности, с его церковью и его школой. Шайка, пришедшая к власти, пытается воспитать по своему образцу и подобию нацию не только физически, но и духовно, сломить и опустошить ее психическим принуждением. В этом и заключается цель тотального государства. Но германский фашизм устанавливает при этом другой стандарт, другой тип, чем итальянский. Идеальные типы, по которым равняются обе диктатуры, не схожи, Муссолини, как никак, бывший социалистический вождь, вкусивший от современный европейской культуры, в отличие от Гитлера, уроженца темнейшей австрийской провинции, пришедшего от подонков контр-революции.

Национал - социализм у власти произвел особый отрицательный подбор, контр-селекцию, собрал и сгруппировал вокруг себя все отбросы нации. Европа последних лет видала виды. Но Нюрнбергский конгресс заставил содрогнуться и ее: не террором, ему предшествовавшим, не характером военной мобилизации, но своей клинической картиной, психопатологией, Штрейхеровщиной. Царская Россия знавала более кровавые погромы, но закона, запрещающего евреям держать женскую христианскую прислугу моложе 45 лет, она не знала и в один из основных законодательных актов страны не возводила. Такой закон мог придти в голову только сексуальным преступникам.

Однако Нюрнбергский конгресс был не только шабашем ведьм, он включал и очень серьезное и обдуманное политическое действие. Наряду с основными законами о флаге германском и флаге еврейском (Гитлер ввел и такой!), фашистская Германия получила нечто вроде государственной конституции. Закон о разделении населения на подданных, никакими правами не пользующихся, и граждан есть акт огромного политического значения. Германский фашизм об'явил не только фактически, но и формально огромное большинство нации вне закона: гражданами будут признаваться только лица, так или иначе связанные с национал-социалистической партией. Современные диктатуры старательно избегают устанавливать неравенство формально. Германский фашизм не постеснялся установить кастовый порядок, государство ордена, формально принадлежащее диктаторской партии. Антисемитизм становится из простого полицейского ограничения и преследования государственным догматом, создающим касту нечистых внизу, касту господ наверху, меж ними касту бесправных илотов, к которой принадлежит подавляющее большинство нации. Германский фашизм отбрасывает бесповоротно всякую декорацию плебисцитарной демократии, которою он еще так недавно гордился. Торжественное обещание каждый год устраивать плебисцит, данное всего год назад, выполнено не будет. Третья империя начинает бояться масс. В Германии уже есть массовое недовольство, но еще нет массового оппозиционного движения. Новая кастовая конституция не может не обратить внимания масс на ставший формальным законом режим бесправия, не может не сеять классовой розни между кастой подданных и кастой граждан. Национал-социализм прошел быстро путь от фашизма демагогического к фашизму олигархическому.

Существенным отличительным признаком Нюрнбергского конгресса был также его истерический, на этот раз особенно злобный и визгливый анти-большевизм. В своем особом докладе «Большевизм без маски» Геббельс превзошел самого себя, обличая козни международного иудео-коммунизма, а Гитлер, как сообщает корреспондент когда то либеральной «Кельнише Цейтунг», склонив вперед голову, напряженно внимал словам докладчика, а потом с прочувственной благодарностью жал ему руку.

Национал - социалисты рассчетливые истерики. Их анти-большевизм до сих пор имел двоякое назначение. Внутри страны он должен был запугивать мелко-буржуазные массы, а во вне быть дипломатической рассчетной монетой, методом одновременно шантажа и предложения своих услуг капиталистическим странам в качестве шпаги для борьбы с большевизмом. Обе эти цели сейчас очевидно уже недостижимы. Даже «Новый Форвертс», орган Пражского Форштанда германской социалдемократии, который еще недавно выступал против единого фронта с аргументом, что он может отпугнуть боящиеся большевизма народные массы, признает сейчас, что теперь уже в Германии «большевистскими ужасами» никого запугать нельзя. Остается аргумент для заграницы. Нужно полагать, однако, что национал-социалисты не столь наивны, чтобы верить в его убедительность. Во имя чего могут они аппелировать к капиталистическим державам Запада против Советского Союза? Во имя капиталистической солидарности? Но тогда они плохо выбрали момент. Сейчас, когда фашистская Италия пытается взорвать здание самой универсальной, самой мировой капиталистической державы. Англии, когда консервативная Англия направляет жерла пушек своих дредноутов против фашистской Италии, когда сама фашистская Германия бешено вооружается против самой стабильной капит. державы, европ. континента, против Франции,—сейчас поздно и бесполезно рассчитывать на капиталистическую солидарность против Советского Союза. Журнал, близко стоящий к английскому министерству колоний, «Ближний Восток и Индия», писал недавно, что в Женеве теперь произошло далеко идущее сближение точек зрения Англии и Советского Союза по основным вопросам международной политики. В американском журнале «Нью Републик» Брэйльсфорд, крупнейший публицист левого крыла Рабочей Партии, высказывается за теснейший союз Лондона, Парижа и Москвы против обеих фашистских держав, и эта же позиция разделяется подавляющим большинством Народного Фронта во Франции. Нет, новый припадок нацистского анти-большевизма предназначен, очевидно, не для заграницы, а для внутреннего употребления. Но на этот раз уже не столько для запугивания лавочников, сколько для целей пропагандистской подготовки войны.

Это обстоятельство и придает Нюрнбергскому кликушеству особо мрачный характер. Оно происходило в грозовой, предвоенной обстановке. Нужно полагать, что очень многие из Нюрнбергских манифестантов с конгресса отправились прямо на границы Мемеля, где предстоят другие, еще более пороховые демонстрации. Но не менее важен и пожар, который сейчас готовит фашистская Италия и в который, независимо от своей воли, она втягивает и фашистскую Германию. Гитлер не имеет перед собой 13 сравнительно спокойных лет, которые имел Муссолини. Муссолини был до сих пор во всем образцом для Гитлера: в методах борьбы за власть, в построении тотального государства, в ставке на стабилизацию режима. Сейчас этот старший по возрасту, стабильный, рационализированный, классический итальянский фашизм готовит европейскую и мировую войну, в которую он не может не втянуть фашистскую Германию. Последние недели показали на примере Муссолини, как ведет себя хваленый диктатор и кандидат в Цезари, когда начинаются критические моменты его режима: он без тормаза скользит в пропасть. Гитлер пытался в основном быть старательным учеником Муссолини.

А. Шифрин.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1934 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932 г., по цене 100 фр. за том

ИЗ ПАРТИИ

АЛЕКСАНДР КРЕМЕР

В последнюю минуту телеграф принес печальное известие о кончине Аркадия Кремера (Александра) в Вильне 20-го сентября.

Покойный принадлежал к числу основоположников еврейского и общего рабочего движения в России. При его ближайшем и активном участии был организован не только первый с'езд Бунда, но и первый с'езд РСДРП в 1898 г. — Человек огромной воли и большого ума, Александр был одной из самых ярких и интересных фигур в революционном движении марксистского периода. Его смерть является незаменимой и тяжкой потерей не только для польского Бунда, в рядах которого он состоял до последнего дня, не только для всех, оставшихся верными знамени Бунда в России, но и для РСДРП, с которой его связывала долголетняя и тесная дружба.

В следующем номере «С. В.» будет дана подробная характеристика покойного и его деятельности.

К его похоронам, состоявшимся 22-го сентября в Вильне при участии широких масс рабочего населения, ЗДРСДРП послала вдове покойного и ЦК польского Бунда выражение своего горячего соболезнования и глубокой горести.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Проверка членов ВКП. — Банкеты. — Верхи и низы. — Вождь и подготовка смены. — Коминтерн.

Одним из самых крупных явлений последнего времени, мало освещаемым в советской печати, является **проверка** партийного аппарата. Под этим скромным именем на деле скрывается, еще не бывалая по размерам и тщательности, **чистка** состава ВКП. Эта чистка была решена и начата тотчас же после убийства Кирова. С особою жестокостью она проводилась в первые месяцы после убийства. Но лишь в последние месяцы она захватила самые глубины ВКП и своею методичною тщательностью вселила ужас в души «партийцев». Специальные комиссии проверяют организацию за организацией, члена партии за членом партии. Проверяют анкеты, биографии, рекомендации. Наводят справки во всех городах и организациях, где работал обследуемый. Достаточно малейшей неточности или неясности, чтобы член ВКП подвергся бесчисленным допросам, а затем или выбрасывался за пределы партии или передавался органам ГПУ или прокуратуры. Почти во всех крупных учреждениях передают шопотком о коммунистах-сослуживцах, исчезнувших неожиданно и для непосредственного начальства и для семьи, а затем оказавшихся где-нибудь на работах в приполярных местах. Сейчас к рядовым коммунистам со стороны власти недоверие не меньшее, чем к беспартийным обывателям. Достаточно, хотя бы таких фактов: после Кировской истории ГПУ начало систематическое **отбирание оружия** у коммунистов. Даже герои гражданской войны, имевшие заслуженное оружие со специальной грамотой, были вынуждены его отдать и получили з утешение на руки лишь почетную грамоту. До этого года для коммунистов **вход в помещение ЦК ВКП** был прост, достаточно было пред'явить партбилет, теперь требуются специальные пропуски, проверка — действительно-ли назначен прием по внутреннему телефону, при этом категорически запрещается брать с собою непросмотренный портфель и пр. Непосредственно после Кировского дела среди коммунистов были произведены многочисленные **аресты,** теперь к арестам прибегают реже, но бесжалостно выбрасывают из партии или перебрасывают в глухие места за строптивость, за обман в анкете, за сокрытие происхождения, за уклонение от прошлых чисток и т. п.

Рядовые коммунисты приучаются бояться своей партии, страшатся и в мелочах проявлять свое несогласие. Интерес к партийной жизни ослабевает, заменяется строжайшей дисциплиной. Напуганы даже комсомольцы, которые в прошлом обычно «шебаршили и бузотерили». Теперь Комсомолу категорически предписано заниматься воспитанием молодежи и насаждением «культурных навыков», но ни в политику, ни в работу хозяйственных организаций не вмешиваться.

Отрыв руководящих кругов ВКП **от массы рядовых членов** чувствуют и в верхах. Но, не решаясь на введение настоящей партийной демократии, ищут выхода в мелких, а порой и смешных мероприятиях. Вожди, все чаще и чаще, прямо соревнуясь друг с другом, стараются «общаться с низами», партийными и беспартийными. Подобно Гарун-Аль Рашиду, **Ворошилов, Каганович, Молотов** или **Жданов** являются «неожиданно» то на вечеринку молодежи, то в квартиру рабочего-ударника, то на спортивные состязания. В исключительных случаях стал появляться в народе и сам **Сталин,** при этом, согласно правилам советского церемониала, щедро раздающий детям леденцы. Но особенно любопытен новый обычай, быстро прививающийся в Союзе. По инициативе **Сталина** в Кремле стали устраивать **банкеты.** На 500, 1.000 и даже на 1.500 человек. Допускаются по особому списку лишь специально приглашенные. В первую очередь слой влиятельных советских вельмож: члены ЦК. члены ЦИК, руководители комиссариатов, хозяйственных организаций. Это, так сказать, состав постоянно приглашаемых лиц. За право быть в числе приглашаемых идет борьба в кругах партийцев и хозяйственников. Пускают в ход связи, плетут интриги. Но кроме того, приглашаются ударники-рабочие от станка, колхозники, отличившиеся на местной работе, рекордсмены спорта, заслуженные артисты и приехавшие в Москву по делам представители власти на местах.

Прием осуществляется весьма торжественно. Угощение обильное и разнообразное. Вина подается немного и «пьянка» на Сталинских банкетах, не в пример провинциальным, не допускается. Банкет проводится по всем правилам, при чем из уважения к грузинскому происхождению вождя, для руководства праздником выбирается **«тамада».** Обычно эту роль играет **Каганович** или **Орджоникидзе.** Иногда такие приемы устраивают отдельные комиссары в своих помещениях, и эти празднества посещает **Сталин.** Так было, например, при приеме Кагановичем руководителей транспорта. Такими приемами, кроме установления личного общения между генералитетом и офицерством власти, пользуются еще и для проведения партийной линии, раз'яснения очередной директивы. Иногда сам вождь или его ближайшие помощники произносят **«исторические речи».** Здесь можно в непринужденной беседе похлопотать за приятеля, добиться ликвидации «неувязок». Подобные же **банкеты** устраивают сейчас в союзных республиках, в областных городах и в местных исполкомах. Здесь все размерами поменьше. Только на выпивку налегают смелее и обильнее. Интересно отметить, что банкеты уже создали своеобразный тип советских дам и барышень, регулярно приглашаемых на банкеты и придающих им своими манерами и костюмами вид заправских больших приемов.

Культ **Сталина** уже освящен традицией. Сейчас уже, даже некогда независимые люди, считают неприличным не курить в своей речи или статье фимиама Сталину. Это стало так трафаретно и фальшиво, что, как передают, стало раздражать самого Сталина. Он уже морщится при слушании наскучивших хвалебных фраз. Передают, что **Сталина** тревожат иногда мысли о том, что будет в случае его смерти. Как-то в кругу своих самых доверенных людей **Сталин** стал упорно доказывать, что надо не сосредотачивать всю популярность **вокруг одного лица,** надо выдвигать на вторые и третьи места других лиц, надо и их делать популярными в народе, чтобы в случае чего не было растерянности и заминки. «Дураки, не понимаете, что беда будет, если не приготовите смены на случай моей смерти», — будто-бы, фамильярно пошутил «вождь». Вероятно в силу таких настроений в советской печати стали в последнее время выдвигать «на вторые места» **Кагановича, Молотова, Жданова** и др.

Но лица, знающие нрав Сталина, не особенно охотно «выдвигаются», ибо знают, что Сталин не любит иметь рядом людей, популярность которых быстро растет.

Сейчас в **коминтерновских** кругах очень велика популярность Димитрова. Передают, что «курс на демократию и единый фронт» был решен перед Конгрессом во время беседы **Сталина** и **Димитрова.** У них оказалось полное единство взглядов. На Конгрессе борьба шла против немцев и Бела-Куна, поддерживавших старый курс. Димитров и французы, имея поддержку Сталина, легко собрали большинство. У нас в Союзе заседания и решения Коминтерна пробудили в коммунистической среде некоторый интерес и кое-кого заставили переоценить многое, в первую очередь отношение к демократии и к социалистическим партиям.

18-го сент. 35 г. **А.**

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Zeitschrift für Sozialismus, Heft 22/23, Juli-August 1935.

La Révolution prolétarienne, N° 206.

Marcel Prenant. Biologie et Marxisme. Editions Sociales Internationales. Paris 1935. Prix 12 frs.

Georges David. Passage à niveau. Roman. Editions Sociales Internationales. Paris 1935. Prix 10 frs.

F. Gladkov. Energie. Traduit du russe par Alice Orane et Georges Roux. Editions Sociales Internationales. Paris 1935. Prix 18 frs.

Le Combat Marxiste, N° 23, Septembre 1935.

Знамя России, № 9 (73), Сентябрь 1935.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 3/9, 12/9, 19/9.
Отослано: № № 45, 46, 2.

"DER KAMPF"

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

Le Gérant : **Paul Colliette** **Imp. «Union», 13, rue Méchain, Paris**